

С. 2
Поздравляем Святейшего патриарха Кирилла с семидесятилетием!
Члены Преображенского братства обратились к главе Русской православной церкви с пожеланием крепкого здоровья, неоскудевающего вдохновения, преодоления трудностей и осуществления всех начинаний во славу Божию

С. 5
Накануне катастрофы
Начиная с этого месяца мы постараемся в каждом номере вспоминать события столетней давности. Возможно, на этом пути мы увидим то, о чем писал задолго до этих событий так и не оцененный до сих пор праведник Николай Николаевич Неплюев: каждому сословию, каждой части народа есть в чем каяться

С. 8
Когда одна община обращается к другой
Вышло из печати переиздание молитвослова «Избранные молитвы: Из наследия братства епископа Макария (Опоцкого)». Оно содержит удивительную молитву, являющуюся частью составленного членами этого братства Чина двенадцати апостолам

Приложение «Церковь и культура»
50 лет назад впервые вышел из печати роман Михаила Афанасьевича Булгакова «Мастер и Маргарита». Своими воспоминаниями о том, что значила эта книга для молодежи 1980-х годов, делится Юлия Балакшина. А еще мы продолжим путешествие по Святой земле – на этот раз вместе с поэтом Петром Вяземским

Тема номера Национальное покаяние

Начало Покаяния

Не только для нас, для всех Русская катастрофа неизбежно будет ключевой темой начинающегося года. Невозможно будет не размышлять, как и почему она произошла, и что это значит для нас. И уже сейчас слышатся многочисленные голоса о том, что необходимо прекратить столетнюю гражданскую войну, примириться и все забыть. Но ведь проблема не в разнице мнений и позиций, не в противостоянии сегодняшних «красных» и «белых», а в чем-то другом. Любой из нас, погружаясь всерьез в происшедшие сто лет назад события, всматриваясь в давно забытые лица, не может не почувствовать, как с каждым шагом этого погружения все сильнее и все болезненней сжимается его сердце. Не от одного человека, от многих я слышала, что чем дальше, тем больше, до невозможности осилить больше одной-двух страниц, было читать «Красное Колесо», полнее любых изысканий и лекций погружающее нас в самую ткань происшедшего в то время. И поэтому мне кажется важным признать: мы все несем в себе так и не залеченную рану, нанесенную тогда, сто лет назад.

Не в сознании, не в одной лишь памяти – в самой глубине сердца отзывается эта так и не изжитая боль, хотя мы можем этого и не замечать, как не замечает порой человек загнанную вглубь и притаившуюся смертельно опасную болезнь.

А если это так, то нужны две главные вещи: верный диагноз и путь к исцелению.

Мы уже писали в одном из номеров о молитвах русских святых разных веков – и прежде всего века только что минувшего – о России, о ее судьбе, об исправлении нашего общего пути. Именно в такой молитве, ставшей нашей общей молитвой, как мы верим, прежде всего и лежит этот так нужный нам сегодня общий путь.

О том, что думали о пути покаяния и об общей молитве и как пытались ее осуществлять в разные годы, мы говорим на главном развороте номера, открывая эти-ми размышлениями год, который, несомненно, в этот раз должен начаться для нас не первого января, но в ноябре.

Окончание на с. 6-7

Общая молитва о России 30 октября в Доме архитектора. Подробнее о ней рассказывается на с. 7

Белые мученики

Интервью с главой Архиепископии православных русских церквей в Западной Европе архиепископом Иоанном (Реннето)

Владыка, не могли бы Вы рассказать, как Вы познакомились с отцом Виталием Боровым?

Я познакомился с отцом Виталием, когда он был представителем Московской патриархии во Всемирном Совете Церквей. Он участвовал в предсоборной встрече, а я с 1975 года жил в Женеве. Он был известным богословом, и он много работал с русской делегацией. Но самое яркое мое воспоминание – это наша встреча на Всемирном Совете Церквей, когда я его спросил, что он думает о том, что произошло на прошедшей незадолго до этого конференции. И он мне ответил: «Все лицемеры, сплошное лицемерие». Он мог очень резко высказываться. Это был замечательный человек и очень прямой.

Я помню ещё, как я попросил его привезти мне книгу о Максиме Исповеднике, изданную в XIX веке, одно из лучших исследований на эту тему. И он сказал: «Да, да, я постараюсь». Некоторое время спустя он мне позвонил и сказал: «Вы знаете, я пытался, но на таможне у меня ее забрали, потому что такие старые книги запрещено вывозить». Его это очень огорчило.

Самое же главное – он пытался найти настоящие ответы на богословские вопросы, гораздо серьезнее, чем это делают сегодня.

Отец Виталий много говорил о новой христианизации России.

Да, мы говорили об этом. Он считал, что церковь пережила очень тяжелое время и нужно восстановить силу, динамику жизни церкви. Но это скорее был вопрос не того момента, а будущего, потому что в его время были очень серьезные преграды, всё было очень закрыто, и церковь не могла исполнять свою миссию. Но он мне говорил также, что ему кажется, что все то, что было сделано в богословии до революции, позволяло церкви в советское время жить, это «запас», это то, что подпитывало. И что это смутное время Церковь могла пережить благодаря «запасам» – благодаря тому, что было сделано раньше. У него было осознание того, что трудно передавать веру, потому что он жил в очень сложное время.

Что же касается нашего времени, я думаю, что надо говорить не о христианизации и не о миссии, а скорее о свидетельстве. Я думаю, что Церковь снова займёт своё место в обществе, но только через свидетельство, а не через такие вещи, как устрашение. В наше время этого уже не должно быть.

Окончание на с. 2

Любовь не терпит, чтобы погибла хотя бы одна душа

В этом году исполнилось 150 лет с рождения старца Силуана Афонского – уроженца Тамбовской губернии

В Лебеяди (Елецкая и Липецкая епархия) в честь этой памятной даты прошли Силуановские чтения. В селе Шовское, на родине Семена Ивановича Антонова, крестьянина Тамбовской губернии, Лебединского уезда, Шовской волости, ставшего одним из величайших святых XX века и известного нам сегодня под именем прп. Силуана, открыт памятник и дом-музей. Ковчег с главой подвижника и икона Спасителя, с которой по преданию, связано явление ему Христа, были на месяц присланы с Афона и побывали во многих городах России.

Что же значит для нас сегодня память об этом человеке, нашем старшем современнике (он скончался в 1938 году)? Об этом мы попросили рассказать членов Силуановского малого православного братства, спросив их, почему именно его они выбрали своим небесным покровителем. Но прежде всего нам хотелось бы напомнить то, о чем писал сам прп. Силуан. Эти записки дошли до нас благодаря трудам одного из духовных детей старца – архим. Софрония (Сахарова). Именно ему прп. Силуан передал перед смертью свои записки, позднее изданные о. Софронием в книге «Старец Силуан».

Скучает душа моя о Господе, и слезно ищущу Его. Как мне Тебя не искать? Ты прежде взыскал меня, и дал мне наслаждаться Духом Твоим Святым, и душа моя возлюбила Тебя.

Ты видишь, Господи, печаль мою и слезы... Если бы Ты не привлек меня Своєю любовью, то не искал бы я Тебя так, как ищущу, но Дух Твой дал мне познать Тебя, и радуется душа моя, что Ты мой Бог и Господь, и до слез скучаю я по Тебе.

Скучает душа моя о Боге и слезно ищет Его.

Милостивый Господи, Ты видишь падение мое и скорбь мою, но смиренно прошу Твою милость: излей на меня грешного благодать Твоего Святого Духа. Память о ней влечет ум мой снова найти Твое милосердие.

Господи, дай мне смиренного Духа Твоего, дабы снова не потерял я Твою благодать, и не стал бы рыдать о ней, как рыдал Адам о рае и Боге.

Окончание на с. 4

Проповедь протопресв. Виталия Борового в часовне ВСЦ в Женеве. 1981 год.

Одним из ярких периодов деятельности будущего патриарха было ректорство в Санкт-Петербургской духовной академии. На богослужении в храме СПбДА, 1980-е годы

Поздравляем Святейшего патриарха Кирилла с 70-летием!

Ваше Святейшество, Святейший Владыка!
В день Вашего юбилея примите наши самые искренние и сердечные поздравления от Свято-Филаретовского института и Преображенского братства.

Вместе со всеми верными чадами нашей Церкви мы с радостью и благодарностью будем молиться в этот день о Вас, Ваше Святейшество, о благодатной помощи Божией в Вашем многотрудном Первосвятительском служении, вспоминая все, что Вы сделали для возрождения нашей Церкви и нашей страны.

Желаем Вам, Ваше Святейшество, крепкого здо-

ровья, неоскудевающего вдохновения, преодоления трудностей и осуществления всех начинаний во славу Божию. Верим, что Русская Православная Церковь и далее будет расцветать и собирать под свои крылья все новых и новых чад.

Многая Вам и благая лета, Ваше Святейшество!
Ваши смиренные молитвенники – священник Георгий Кочетков, члены корпорации Свято-Филаретовского православно-христианского института, братья и сестры Преображенского братства.

Православие за рубежом

Белые мученики

Интервью с главой Архиепископии православных русских церквей в Западной Европе архиепископом Иоанном (Реннето)

Начало на с. 1

У людей есть такая внутренняя свобода (философская, мысленная), что это может происходить только через христианское свидетельство, которое должно быть открытым.

Мы должны свидетельствовать не о том, что церковь – закрытое пространство, а о том, что церковь открыта. Необходимо, чтобы христиане были в радости, чтобы их жизнь была привлекательна, чтобы они могли явить своей жизнью, что христианство – это живой опыт жизни во Христе.

Это должно приходиться также и через священников: священники должны не устрашать людей, не загонять их в «загон», не навешивать ярлыки и не объяснять людям, что они спасены не будут, а свидетельствовать радостно, счастливо о христианской жизни. Радость – это очень важно.

И еще – церковная иерархия должна быть с народом заодно. И епископы должны быть миссионерами через своё свидетельство, через то, как живут; они должны быть гораздо проще. Очень плохие привычки теперь привились в церкви – она живет как бы в закрытой среде и редко встречается с действительностью. А в действительности люди страдают, у них сложности с работой, в семье, очень много вопросов. Роль церкви не в осуждении этих людей, а в том, чтобы быть милостивыми и принимать всех, в том числе страдающих и немощных, а не только здоровых в нравственном смысле. Я думаю, что церковь должна это осознать.

Знаете, почему за первыми христианами последовали люди? Не потому, что они произносили какие-то лозунги, а потому что они жили как братство, это был их образ жизни. Христиан узнают по тому, как они любят друг друга. И конечно, именно к этому мы должны стремиться в наших общинах.

Я жил у отца Софрония (Сахарова) в Англии два года, и он нам всегда говорил: «Что останется от церкви – эти большие здания, торжественные богослужения? Нет, конечно. А что же останется? Евхаристические общины. Это то, что составляет жизнь Церкви в будущем». Я очень сильно верю в это. Евхаристические общины, братские общины сами становятся свидетельством для людей.

И люди к нам будут приходиться не потому, что мы заявляем, что располагаем

правдой, что у нас прекрасное богословие. Они к нам придут только если найдут у нас место, где они реально почувствуют, что их жизнь расцветает.

А торжественные богослужения – это, конечно, очень красиво, но без живой действительности и простоты между людьми не случается личной встречи. Для этой встречи нужны живые общины, братские общины, где принимают и верных, и немощных, и детей, чтобы все находило для себя место жизни. Большая разница между Церковью и миром в том, что Церковь вас встречает и принимает как человека. А мир сей встречает людей или как какую-то шестеренку, или как работника, или как потребителя. Единственное место, где вас встретят как человека, созданного по образу Божьему, – это Церковь, и поэтому она должна свидетельствовать о сострадании. В нашем мире очень мало сострадания. Это жестокий мир, а Церковь – это место сострадания Христова, и мы должны принимать людей, как Христос. Я думаю, что в этом будущее Церкви.

Об этом свидетельствует и опыт новомучеников и исповедников XX века, в том числе матери Марии (Скобцовой).

Да, нужно следовать свидетельству новомучеников, стремившихся сохранить свою веру, тому движению жизни, которое они дали. К сожалению, часто видишь, что Церковь хочет вернуться в прошлое, которое было до новомучеников, в константиновскую эпоху – к тому времени, когда все было красиво и торжественно. Но это время закончилось, этого больше нет. Церковь должна жить и продолжать дело новомучеников, и быть исповедницей, может быть, другим образом – через свидетельство, через любовь и принятие, а не через стремление к власти.

К сожалению, стремление к власти, желание заставить людей жить так, как ты считаешь нужным и правильным, заметно присутствует в церковной жизни. А ведь сегодня церковь может быть только кроткой, простой. Конечно, нас будет меньше, но зато мы, может быть, будем ближе к истине – а обществу нужна истина. Как я уже говорил, мы все слышим очень много пустых слов, и эти слова ни к чему не приводят, тогда как если жить словом Христа, это слово нас приведет к внутреннему преображению, к новому состоянию жизни.

Часто думают, что Церковь – это такое место, где можно хорошо жить, устроиться, и люди сами придут. А Вы, как я понял, считаете, что Церковь должна идти к людям?

Вы знаете, однажды я слышал выступление одного священника из Петербурга. Он говорил: 20 лет мы строили храмы, а теперь их нужно заполнить. Пока мы строили здания, мы забыли, что нужно сначала иметь общины, а потом строить здания вокруг общины. А теперь в этих зданиях нужно строить общины, и это, конечно, потребует немало времени. Мне очень понравились эти слова.

А с какими проблемами сталкиваются православные во Франции?

Я думаю, что новая русская эмиграция намного быстрее устроится во Франции, чем старая, потому что многие сегодня сюда приезжают для того, чтобы здесь остаться, и надо это знать. Люди новой русской эмиграции быстрее начинают говорить по-французски, дети становятся французами, учатся по французской системе и мечтают только об одном – иметь французский паспорт. А старая эмиграция была не такая – она не мечтала о французском паспорте, а мечтала только о возвращении, но так и не возвратилась, потому что при их жизни для этого не было возможности*.

И главная проблема в том, что новое поколение эмиграции приходит без культуры, кроме разве что культуры денег или культуры фольклора. А старая эмиграция пришла со всей культурой – философской, литературной, богословской, художественной. Все это она привезла с собой, и это орошало и французскую культуру.

Новая эмиграция может вложить в храмы, которые строит здесь Русская церковь, только свои деньги. Но как же эта новая эмиграция будет жить в Церкви, когда даже в своей стране эти люди не получили образования? А первая эмиграция, как только приехала, построила храмы для того, чтобы сохранить традицию и культуру. Это было совсем по-другому.

То, что Вы говорите, очень близко для нас, потому что мы тоже понимаем, как Вы сказали, что без вхождения в этот дух новомучеников и исповедников Церковь не сможет жить.

Справа налево: архиепископ Иоанн (Реннето), Лидия Оболенская, Ольга Сеницына, Дмитрий Дорошко. Летний лагерь РСХД, 2016 г.

Вы знаете, что в церкви говорили всегда о двух типах мучеников. Среди мучеников есть «красные» и «белые» мученики. «Красные» – это те, кто пролил кровь, а «белые» – это монахи, которые жили в пустынях. А я думаю, что все христиане – это такие «белые мученики», ведь они все должны свидетельствовать о вере в этом мире. Есть рассказ отца-пустынника: монах подходит к старцу и спрашивает: «Как же будут жить люди после нас?». А старец ему говорит: «Знаешь, раньше были люди, которые жили в пустынях, они постились, носили цепи. А мы уже меньше стараемся. Но придут поколения, когда просто тот факт, что человек – христианин и живет как христианин, будет большим подвигом, чем то, как жили первые аскеты». Поэтому что наша аскетика – это быть свидетелем. Это, конечно, не значит повторять «я христианин, я христианин». Но тем, как мы любим друг друга, мы передадим Дух Христа. Это и есть свидетельство и новое мученичество сегодня. В это я глубоко верю. В совершение евхаристии и в это свидетельство.

Мать Мария свидетельствовала в обществе, где она находилась, – с бедными русскими или с нищими французами, спасала евреев. Это было настоящее свидетельство христианской любви. И мы должны следовать по ее пути. Это путь к спасению, и на этом пути есть только одна заповедь: любить Христа и любить брата. И ап. Иоанн пишет эти слова: «Как можно любить Бога, которого ты не видишь, если ты не любишь брата, которого видишь?» Любовь, которую мы испытываем друг к другу, – это «барометр» Церкви.

Беседовали Дмитрий Дорошко, Ольга Сеницына

* Незначительная часть эмигрантов поповала репатрироваться в СССР в 1940–1950 годах (например, для Франции разные источники дают цифру в 4–7 тысяч репатриантов из 100–200 тысяч проживавших там эмигрантов первой волны). Многие из этих людей оказались в лагерях или в ссылке, но известны и сравнительно благополучные случаи репатриации.

Издание Преображенского содружества малых православных братств

Кифа

Одобрено Синодальным информационным отделом Русской Православной Церкви (Свид. №081 от 3 мая 2011 г.).
Главный редактор:
А.В. Колымагина

Адрес редакции и издателя:
105062, г. Москва,
ул. Покровка, д. 29

Тел./факс: +7 (495) 624-9250

Электронный адрес редакции:
gazetakifa@gmail.com

Подписной индекс в агентстве Роспечать – 19601

Над номером работали:
Анастасия Наконечная, Максим Дементьев, Александр Копировский, Елена Шевелева, Дмитрий Дорошко, Светлана Калинина, Татьяна Тыртыш, Мария Кайкова
Дизайн и верстка: Марина Подкопаева
Учредитель: Культурно-просветительский фонд «Преображение».
Газета издается с октября 2002 г.
Культурно-просветительский фонд «Преображение».
Все права защищены.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

Нашу газету можно приобрести:
в интернет-магазине predanie.org;
в Москве: в редакции (в настоящее время находится в помещении СФИ – ул. Покровка, д. 29, оф. 38);
в Санкт-Петербурге: в киоске «Предание», тел. +7-963-316-37-81
в Париже: в магазине «YMCA-Press»: 11, Rue de la Montagne Ste Genevieve
Телефоны распространителей
Москва:
+7-910-421-64-60 (Анна Гринман),
+7-903-100-93-73 (Денис Кудряшов)
Санкт-Петербург:
+7-963-316-39-81 (Анастасия Наконечная)
Архангельск: +7-921-073-32-76 (Надежда Макурина)

Вельск: +7-921-247-11-37 (София Кудрявцева)
Воронеж: +7-950-763-50-35 (Александр Терехов)
Екатеринбург: +7-904-388-03-91 (Татьяна Благодарова)
Рязань: +7-920-632-06-71 (Сергей Гаврилов)
Северодвинск: +7-909-551-20-11, (Татьяна Колпакова)
Тверь: +7-909-266-88-83, +7-905-551-02-70 (Олег Ермолаев)
Тула: +7-920-746-69-73 (Марина Писаревская)
Электросталь: +7-926-787-43-05 (Ольга Кузнецова)
США, Канада: 1-651-210-49-22, oleg@voskres.net (Олег Воскресенский)

Газета зарегистрирована Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-46907 от 5 октября 2011 г.
Отпечатано в типографии «Бюрок», г. Москва, ул. Складочная, дом 6, строение 3.

Тираж 1350. Цена свободная.
Выпуск подписан в печать 28 ноября 2016 г.
Время подписания в печать: по графику – 9.00, фактическое – 9.00.
Дата выхода в свет 30 ноября 2016 г.

В Москве прошла презентация фильма «Исповедник Борис Холчев»

О фильме и его герое рассказывает режиссер Олег Глаголев

Не могли бы Вы рассказать о первоначальном замысле?

Отец Борис всегда меня привлекал как фигура. Когда я еще только начал оглашаться (это было в 1993 году), я про него уже слышал, уже знал, что был такой человек и есть его огласительные беседы.

Когда мы снимали в Ташкентской епархии материалы для фильма об о. Павле Адельгейме, нам очень многие люди рассказывали об о. Борисе (Холчеве), и для нас окончательно стало очевидно, что отец Борис был человеком большого масштаба, принципиальной фигурой для Русской церкви, особенно той ее части, которая была сосредоточена в Средней Азии. Вокруг него собирались христиане из двух родников церковной жизни XX века – века гонений.

Первым из этих родников был мечёвский круг. Отец Сергей Мечёв в 1940 году

в Рыбинске препоручил общину, понимая, что скоро он сам уже не сможет ее окормлять, архимандриту Борису...

Это было в лагере?

Нет, в тот момент они оба были на свободе.

После ареста и гибели о. Сергия собирал общину о. Борис. Мечёвцы исповедовались ему, писали письма, приезжали к нему в Ташкент и жили там. Несомненно, он был неким центром, по-настоящему старшим в общине...

Второй же родник – братья и сестры из Александро-Невского братства. Многие из них тоже окормлялись у о. Бориса в Ташкенте. В Средней Азии жили и служили руководители и члены Александро-Невского братства. Сначала те, кто в 1930-е – 1940-е годы объединился в тайную общину вокруг архим. Гурия (Егорова), жили не в Ташкенте, а в Бешбале,

деревне под Ферганой, о. Серафим (Суторихин) служил в Самарканде. Позже, в 1946 году, Гурий (Егоров) стал епископом Ташкентским и Средне-Азиатским и за ним потянулись братчики и братчицы, но он уехал из Ташкента в 1953 году, так же как и молодой ученый, принявший к тому времени сан, о. Иоанн (Венланд). И конечно, неизменным центром церковной жизни Ташкента оставался о. Борис. Это признавали практически все архиереи, служившие в те годы на кафедре: и владыка Ермоген (Голубев), и владыка Гавриил (Огородников). В Ташкенте рассказывают до сих пор, что эти владыки не делали ничего без того, чтобы не посоветоваться с о. Борисом. Он действительно был в этом смысле настоящим светником. Недаром, наверное, одним из первых его духовных отцов был прп. Нектарий Оптинский, потом св. прав. Алексей Ме-

чёв, потом сщмч. Сергей Мечёв. И этот дар служения советом о. Борис пронес через всю жизнь.

Он был еще и удивительным проповедником. Архиереи не всех благословляли проповедовать. При владыке Ермогене, например, только три человека в епархии проповедовали – он сам, архимандрит Борис, а еще отец Георгий Ивакин-Тревогин. Некоторые из проповедей отца Бориса сохранились в аудиозаписи и в многочисленных перепечатанных от руки сборниках.

Эти записи проповедей о. Бориса немного сохранилось?

Немного. Одна из них – «О семи благодатных дарах воскресшего Господа» – легла в основу нашего фильма, фрагменты из нее там не раз звучат.

Окончание на с. 8

Фестиваль «Вера и слово»

24 –26 октября в Москве прошел очередной фестиваль православных СМИ «Вера и слово». «Кифа» участвует в этих встречах с самого их основания, с 2004 года, и мы много раз публиковали «картинки с фестиваля». В последнее время эти встречи становятся все более «рабочими»: теперь главными участниками фестиваля стали руководители епархиальных информационных отделов, и все большую его часть занимают мастер-классы и обсуждение общей информационной стратегии.

Поэтому сегодня мы дадим слово именно этим рядовым участникам фестиваля из самых разных епархий – от Даугавпилса до Бийска.

Вопрос, на который они отвечали, связан с главной темой фестиваля: молодежь и социальное служение

Опыт показывает, что молодежь серьезнее и последовательнее включается в социальное служение, если она объединена в какие-нибудь общины и братства или делает акцент на духовное образование. Замечаете ли Вы это в своей епархии?

Священник Владимир Селин, Муромская епархия: Да, замечаем такое. И поэтому в нашей епархии существует ряд молодежных движений. Одно из них, наверное, самое крупное – это движение, носящее формат форума под названием «Парус». Центр его в городе Гороховце, но сегодня они вышли уже на международный уровень. Важная часть их работы – летние лагеря для молодежи, где есть возможность пообщаться и друг с другом, и с духовенством. Есть молодежное движение и в самом Муроме, и в поселке Красная Горбатка в центре Селивановского благочиния. Это клуб «Воскрест» и клуб им. Дмитрия Донского. Члены муромского молодежного движения регулярно

посещают дома престарелых, проводят те или иные акции вне стен храма и вне стен своего объединения, в частности, в День семьи, любви и верности.

Священник Георгий Шеломенко, сотрудник Информационно-издательского отдела Даугавпилской епархии: У нас в Латвии вообще очень мало людей, а молодых тем более. Они уезжают в Европу, прежде всего в Англию. И православной молодежи почти нет. У нас есть сестричество, занимающееся в том числе и социальной работой, но оно не молодежное. Там в основном женщины, хотя в него входит одна молодая супружеская пара. Это сестричество только начало создаваться, там пока меньше десятка человек. Началось оно с того, что женщины обходили всех больных (мы раз в неделю ходим их приходить), и накануне прихода священника записывали, кто хотел бы причаститься. Еще они раз в месяц ездят в пансионат, ходят к детям-инвалидам.

А молодежь у нас ходит в подростковые группы воскресной школы и очень любит православные балы.

Священник Максим Мальцев, руководитель информационной службы Кузнецкой епархии: В нашей епархии создан клуб имени Евгения Родионова, потому что он наш земляк. Его родина – село Чиберли. И ребята, которые входят в этот клуб, очень активно помогают отцу по социальному служению. Вместе, особенно в большие праздники – на Пасху, Рождество, – они организуют встречи и походы к больным детям в больницу, в Дом ребенка, к ветеранам. Собирают пожертвования: какие-то вещи, тетрадки и т. д., и потом раздают многодетным семьям. Возвращаются довольные и счастливые, что кому-то доброе дело сделали. Хотя не так их и много, где-то человек 20–30, но я думаю, что это движение будет расширяться.

Я тоже в этом участвую, мы делаем вместе с ребятами материалы для нашего епархиального сайта – не «для галочки», а чтобы показать людям, какая работа идет, и чтобы они тоже какое-то участие принимали в помощи тем, кто нуждается.

Важно и то, что эта помощь связана с общением: приходят ребята к лежачему больному, ветерану, и не просто отдают подарок, а садятся, разговаривают; и они что-то узнают, и бабушке приятно; что ее выслушали. В Доме ребенка дети уже обращаются, когда мы приезжаем: «Ой, папа, мама, брат, сестра». У нас и кукольный театр есть, мы сами кукол сделали. Сначала спектакль покажем, потом подарки подарим, потом вместе хоровод водим, песенки поем. И мы стараемся как можно чаще, регулярно общаться. Я хочу, чтобы это все развивалось, чтобы это не было просто формальностью. Человек нуждается в общении...

Говорят участники

Священник Антоний Лыжин, руководитель пресс-службы Салаватской епархии: Мы не только замечаем, мы взяли это на вооружение. И так как у нас епархия небольшая, недавно созданная, мы организовали единый волонтерский центр, который объединяет молодежные организации разных приходов. Один из проектов, которыми занимается этот молодежный волонтерский центр, – помощь в больнице людям с ограниченными двигательными возможностями. Ведь тем, кто перенес инсульт, одиноким людям, нужно помочь добраться до души, принести посуду и т. п.

Священник Георгий Степанищев, руководитель информационного отдела Бийской епархии: У нас есть молодежные объединения, которые продуктивно работают. Сейчас это повсеместная тенденция. Молодые люди организованы группами ходят помогать в больнице, участвуют и в других мероприятиях, прежде всего социально направленных. В ближайшее время будет традиционный молодежный бал, который проходит при участии молодежи...

Священник Антоний: Мне кажется, что у современной молодежи та же проблема, что и у любого современного человека, – им кажется, что они никому особенно не нужны. Каждый предоставлен сам себе. От молодежи что-то требуют учителя в школе, что-то требуют родители. А в целом они для себя будущего толком не видят, не видят своих перспектив. Они мечтают, что куда-то поступят, будут где-то учиться, и, может быть, потом себя работодателю в рабство продадут – свою юность, энергию, полученные знания, желание работать... А вот чего-то, что бы наполняло их жизнь, они для себя особо и не видят, и это за них решают другие.

В нашем городе с населением в 60 тысяч жителей вообще очень мало молодежи, которая хотела бы послужить церкви. Мне кажется, что такую молодежь надо воспитывать с детства, потому что если к ним обращаться в каком-то более зрелом возрасте, лет в 14, они уже вполне привыкли служить себе, своим интересам, своим потребностям, которые зачастую достаточно просты и банальны. Именно поэтому мы стараемся комплексно работать с семьями, которые детей с детства водят в храм. Но когда дети вырастают, нужен человек, лидер, который их объединит и поведет за собой. В истории нашего прихода был такой молодежный клуб. Они ходили в походы, ездили в горы, общались с батюшкой.

В крупных городах, может быть, проще организовать молодежное движение, занимающееся социальной сферой, например, помогающее детям в детдоме. В маленьких городах с этим немного сложнее, хотя бы потому, что для молодежи эти места такой тупик, который нужно

На одной из встреч удалось обсудить и новый макет «Кифы»

быстрее перерастаи и из него вырваться, уехать в города-миллионники – там и учеба лучше, чем у нас, и можно где-то зацепиться, остаться, продаться в рабство работодателю. И поэтому для них делать центром жизни и деятельности свой родной город – это просто непонятно.

Что можно сделать для того, чтобы помочь молодежи включиться в служение?

Священник Владимир Селин, Муромская епархия: В маленьком провинциальном городе это сделать непросто. Местного телевидения как такового здесь нет, оно есть только в епархиальном городе и включается в федеральный канал на час в сутки. И получить эфирное время для того, чтобы обратиться к молодежи, сложно, да к тому же молодые люди, как это уже неоднократно было замечено, очень мало смотрят телевизор. Сообщества в социальных сетях очень замкнуты. Самое интересное, что даже те три молодежных объединения, о которых я говорил, общаются и взаимодействуют между собой меньше, чем хотелось бы.

Священник Антоний Лыжин, руководитель пресс-службы Салаватской епархии: Вопрос на самом деле сложный. Я думаю, многие над этим бьются. Единного рецепта здесь, мне кажется, нет и быть не может, потому что все люди разные, у каждого разные таланты. Одного одно зацепит, другого – другое. Поэтому привлечь молодежь, наверное, нужно собственным примером. Они по нам должны увидеть, что жизнь церкви – это в первую очередь радость. Не суровость, угрюмость, посты и отречение от всего, а радость во Христе.

Священник Георгий Степанищев, руководитель информационного отдела Бийской епархии: Наши сайты и печатные издания могут дать возможность заявить о себе, озвучить ту или иную проблему, призвать к социальному служению, привлечь меценатов...

Беседовала Анастасия Наконечная

После встречи с патриархом в Зале церковных соборов храма Христа Спасителя. Со священниками из Луганской и Ивановской епархий беседуют Анастасия Наконечная и Андрей Васенев

Любовь не терпит, чтобы погибла хотя бы одна душа

В этом году исполнилось 150 лет с рождения старца Силуана Афонского – уроженца Тамбовской губернии

Начало на с. 1

На первом году моей жизни в Монастыре душа моя познала Господа Духом Святым.

Много нас любит Господь; познано это от Духа Святого, Которого дал мне Господь по единой милости Своей.

Я старик, и готовлюсь к смерти, и пишу истину ради народа.

Дух Христов, которого дал мне Господь, всем хочет спасения, да все познают Бога.

Господь разбойнику дал рай; так и всякому грешнику даст рай. Я хуже смердящего пса грехами моими, но стал просить у Бога прощения, и Он дал мне не только прощение, но и Духа Святого, и в Духе Святом я познал Бога.

Видишь любовь Божию к нам? И кто опишет сие милосердие?

О, братья мои, припадаю я на колени и молю вас: веруйте в Бога, веруйте, что есть Святой Дух, Который свидетельствует о том во всех церквях, и в моей душе.

Дух Святой есть любовь; и любовь эта разлита во всех душах святых небожителей, и тот же Дух Святой на земле в душах, любящих Бога.

В Духе Святом все небеса видят землю, и слышат наши молитвы, и приносят их Богу.

Господь милостив, знает это душа моя, но описать невозможно. Он зело кроток и смирен, и когда душа увидит Его, то вся изменяется в любовь к Богу и ближнему, и сама делается кроткою и смиренною, но если потеряет человек благодать, то будет плакать, как Адам по изгнании из рая. Он рыдал, и стоны его слышала вся пустыня; слезы его были горьки от скорби, и много лет проливал он их.

Так душа, познавшая благодать Божию, когда теряет ее, скучает о Боге и говорит:

«Скучает душа моя о Боге, и слезно ищущу Его».

Я большой грешник, но я видел великую любовь и милость Господа над собой.

С малых лет я молился о тех, кто меня обижал; я говорил: «Господи, не поставь ему грехов за меня». Но хотя я и любил молиться, однако грехов не избежал. Господь же не помянул моих грехов, и дал мне любить людей, и желает душа моя, чтобы вся вселенная спаслись и были в Царствии Небесном, и

видели славу Господню, и наслаждались любовью Божиею.

Я по себе сужу: если меня Господь так возлюбил, то значит всех грешных Он любит так же, как и меня.

О, любовь Господня; нет сил ее описать, ибо она безмерно велика и чудная.

Благодать Божия дает силы Любимого любить; и влечется душа к молитве непрестанно, и не может забыть Господа ни на секунду.

Человеколюбие Господи, как не забыл Ты грешного раба Твоего, но милостиво призрел на меня от славы Твоей, и непостижимо явился мне?

Я всегда Тебя оскорблял и печаливал, Ты же, Господи, за малое обращение дал мне познать Твою великую любовь и безмерную благодать.

Твой тихий, кроткий взор привлек душу мою.

Что воздам я Тебе, Господи, или какую хвалу воспою Тебе?

Ты даешь благодать Свою, чтобы душа постоянно горела любовью, и не знает она покоя день и ночь от любви Божией.

Память о Тебе греет душу мою, и ни в чем не находит она покоя на земле, кроме Тебя, и потому ищущу Тебя слезно, и снова теряю, и снова жаелаю ум мой насладиться Тобою, но Ты не являешь Лица Твоего, Которого жаелает душа моя день и ночь.

Скучает душа моя на земле и жаелает небесного.

Господь пришел на землю, чтобы возвести нас туда, где пребывает Он, Его Пречистая Матерь, Которая послужила Ему на земле ради нашего спасения, ученики и последователи Господа.

Туда зовет нас Господь, несмотря на наши грехи.

Там увидим мы святых апостолов, которые в славе за проповедь Евангелия; там увидим святых пророков и святителей – учителей Церкви; там увидим преподобных, подвизавшихся постом смирять душу свою; там прославляются юродивые ради Христа за то, что они победили мир.

Там будут прославлены все, кто победил себя, кто молился за весь мир и нес на себе скорби всего мира, ибо они имели любовь Христову, а любовь не терпит, чтобы погибла хотя бы одна душа.

Туда хочет вселиться душа, но ничто нечистое не войдет туда, куда приходят великими скорбями, и сокрушением духа, и многими слезами; и только дети,

сохранившие благодать святого крещения, переходят туда без скорби, и там Духом Святым познают они Господа.

О безмерная милость Божия к нам. Многие богатые и сильные дали бы дорого за то, чтобы увидеть Господа или Его Пречистую Матерь, но не богатству являет Себя Бог, а смиренной душе.

И на что нам деньги? Великий Спиридон змию обратил в золото, и нам ничего не нужно, кроме Господа: в Нем полнота жизни.

Если не дал нам Господь познать, как многое устроено в мире, то значит и не нужно; не можем мы умом знать все творение.

Но Сам Творец неба и земли и всякого создания дает нам познать Себя Духом Святым. В том же Духе Святом познаем мы Божию Матерь, Ангелов и Святых, и дух наш горит любовью к ним.

Но кто не будет любить врагов, тот не может познать Господа и сладость Духа Святого.

Дух Святой учит любить врагов так, что будет жалеть их душа, как родных детей.

Есть люди, которые жаелают своим врагам или врагам Церкви погибели и мук в адском огне. Так мыслят они потому, что не научились любви Божией от Духа Святого, ибо тот, кто научился, будет проливать слезы за весь мир.

Ты говоришь, что он злодей, и пусть горит в адском огне.

Но спрошу тебя: – если Бог даст тебе хорошее место в раю, но ты будешь видеть в огне того, кому ты желал огня мучений, неужели и тогда тебе не будет жалко его, кто бы он ни был, хотя бы враг Церкви?

Или у тебя сердце железное? Но в раю железо не нужно. Там нужны смирение и любовь Христова, которой всех жалко.

Кто не любит врагов, в том нет благодати Божией.

Милостивый Господи, Духом Твоим Святым научи нас любить врагов и слезно молиться за них.

О, Господи, дай Духа Святого на землю, чтобы все народы познали Тебя и научились любви Твоей.

Господи, как Сам Ты молился за врагов, так и нас Духом Твоим Святым научи любить врагов.

Господи, все народы – создание рук Твоих, – обрати их от вражды и злобы на покаяние, да познают все Твою любовь.

Господи, Ты заповедал любить вра-

Один из наиболее чтимых образов преподобного Силуана. Икона была написана архимандритом Софронием (Сахаровым) в 1980-х гг. к канонизации старца. Находится в монастыре святого Иоанна Предтечи в Эссексе (Великобритания), основанном архимандритом Софронием

гов, но трудно нам грешным, если с нами нет Твоей благодати.

Господи, излей на землю Твою благодать; дай всем народам земли познать Твою любовь, познать, что Ты любишь нас, как мать, и больше матери, потому что и мать может забыть исчадие свое, но Ты никогда не забываешь, ибо Ты безмерно любишь создание Свое, а любовь не может забыть.

Господи Милостивый, богатством милости Твоей спаси все народы.

Нашей Преславной Церкви дано Духом Святым разумеать тайны Божий, и крепка Она Своею Святою мыслью и терпением.

Душа православного благодатью научена крепко держаться Господа и Его Пречистой Матери, и веселится дух наш, созерцающая знаемого Бога.

Но познается Бог только Духом Святым и тот, кто в гордости своей хочет познать Творца своим умом, – слеп и неразумен.

Умом мы не можем познать даже и того, как сделано солнце; и когда мы просим Бога сказать нам, как сделал Он солнце, то ясный ответ в душе: «смири себя, и будешь знать не только солнце, но и Творца его».

А когда познает душа Господа, то от радости забывает солнце и всю тварь, и оставляет заботу о земном знании.

Говорят братчики Свято-Силуановского малого православного братства (Воронеж)

Нина-Инна Ткаченко: Мы выбрали имя преподобного Силуана, потому что его жизнь, сохранившиеся для нас слова, молитва – проповедь евангельской горячей, безмерной, прощающей, всеобъемлющей любви, как у Христа.

Любви, которую размывает, стирает до отрицания история, но она – критерий церковности человека или сообщества.

Это, во-первых, братская любовь – воплощаемая, преодолевающая искушения любовь к братьям, к общине верных, когда рядом есть те, кто разделяет твою веру и жизнь по вере.

И, во-вторых, – редчайшая в этом мире – любовь к врагам, к любому человеку, ко всему живому, к сотворенному миру. Ходатайство за них, сострадание.

Эта мистика любви – неразрывность и глубина богообщения и человекообщения – сближает преподобного Силуана с личностью и духовным опытом матери Марии (Скобцовой).

В век тоталитарного человеконенавистничества они явили собою радикально иную, забытую евангельскую норму жизни.

Виталий Мигузов: Преподобный старец Силуан Афонский не был известным проповедником или церковным писателем. О нем мы знаем благодаря книге его келейника архимандрита Софрония (Сахарова) «Старец Силуан». Многие в братстве читали эту книгу.

На иконе прп. Силуан держит свиток со словами «Молю Тебя, Милосердный Господи, да познают Тебя Духом Святым все народы земли». Это не просто познание Бога, поскольку многие народы знают, что Бог есть. Важно познание Бога именно Святым Духом. Преподобный Силуан молился со слезами обо всех людях. Он прекрасно понимал, что есть спасение, а есть гибель. Чтобы избежать этой гибели, он просит Господа познать Его Святым Духом, то есть через Церковь. Спасение только в Церкви, только через Нее. Наше братство, как и все Преображенское содружество, стремится выполнять эту заповедь, занимаясь воцерковлением людей.

Людмила Попова: В Свято-Силуановском братстве раз в месяц

проходит встреча молитвенной группы. Встречи группы посвящены знакомству с наследием прп. Силуана Афонского – чтению и обсуждению его поучений о вере, молитве, как учиться любить Бога и ближнего, как обрести благодать в молитве, что говорил прп. Силуан о внутренней молитве. Мы говорили о том, что любовь Бога к нам дается через Духа Святого, что эта любовь в наших душах, если мы любим Бога. Преподобный Силуан наставляет нас о том, что Дух Святой любит нас, как мать любит дитя! Эти поучения укрепляют членов группы в вере и молитве за болящих, за наших близких, учат молиться за врагов, прощать их. Перед нами великий молитвенный подвиг прп. Силуана Афонского!

Юлия Тебякина: Преподобный Силуан для меня очень близок. Во-первых, потому, что он из Тамбовской области, откуда мои корни, но главное, конечно, его мысли о Боге, слова, которые можно сложить в стихи-славословия или стихи-размышления. Они всегда помогают мне вспомнить о самом главном – о любви

Бога к нам, о Его милосердии.

Сейчас мы вместе читаем книгу архим. Софрония Сахарова «Старец Силуан». Когда мы узнаем его опыт, открывается правда жизни. Он готов был до смерти бороться за Божье присутствие в своей жизни. И это была самая трудная борьба – борьба с самим собой, с гордостью, самомнением. Преподобный Силуан своим примером учит меня смирению и жажде Бога. Его молитва о всем мире действенна, она действует и в моей жизни, его слово о Боге – родное, близкое сердцу. «Скучает душа моя о Господе, и слезно ищущу Его. Как мне Тебя не искать? Ты прежде взыскал меня и дал мне насладиться Духом Твоим Святым, и душа моя возлюбила Тебя.

Ты видишь, Господи, печаль мою и слезы... Если бы Ты не привлек меня Своею любовью, то не искал бы я Тебя так, как ищущу, но Дух Твой дал мне познать Тебя, и радуется душа моя, что Ты мой Бог и Господь, и до слез скучаю я по Тебе»...

Накануне катастрофы

Начиная с этого месяца мы постараемся в каждом номере вспоминать события столетней давности, чтобы вместе пройти последний краткий отрезок пути перед катастрофой октября 1917 года.

Возможно, на этом пути мы увидим то, о чем писал задолго до этих событий так и не оцененный до сих пор праведник Николай Николаевич Неплюев: каждому слову, каждой части народа есть в чем каяться. Может быть, обращаясь к тем далеким и в то же время так приблизившимся в год их столетия событиям, мы поймем и нашу сегодняшнюю историю? Может быть, поймем и то, в чем каяться нам, сегодняшним?

Как и во всех наших прошлых публикациях, прежде всего мы будем опираться на «Красное Колесо», явно и неявно цитируя эту эпопею, наиболее полно и энциклопедически и в то же время живо и внятно описывающую события Русской катастрофы. И хотя от некоторых современных историков можно услышать, что это не строго исторический труд, но и наше издание – не научный альманах. Да, возможно, неравнодушное, а порой даже пристрастное отношение автора к кому-то из исторических персонажей (и это будет видно в некоторых цитатах) невозможно было бы в академическом труде, снабженном всеми необходимыми ссылками на те бесчисленные архивные документы, которые изучил автор «Красного Колеса». Но как запутавшемуся в своей жизни человеку поможет прежде всего не беспристрастное объяснение причин и следствий его жизненной катастрофы, а потрясенное переживание «Как это могло случиться со мной?!» и стремление вернуться к свету и правде, так и всему народу.

Ноябрь 1916

Мысль о последовательном обращении к событиям последнего года перед переворотом октября 1917, конечно, пришла в голову не одному лишь нашему изданию. И одним из основных событий ноября, связанным с последующим обвалом, многие называют речь лидера кадетов Павла Милюкова, произнесенную в Государственной Думе.

Конечно, сегодня можно засомневаться в том, что парламентская речь может иметь хоть какое-то значение. Да кто их слушает в какой бы то ни было стране мира? Кто их помнит? Однако в России начала века парламентские прения имели значение – хотя бы потому, что тиражировались, комментировались, разносились прессой (часто с заблуждениями по требованию цензуры местами – что вызывало еще большее любопытство). Именно в таком виде, вся испещренная цензурными вымарками, вышла из печати речь Милюкова. Одновременно она в полном виде в списках распространилась в огромном количестве экземпляров и вызвала мощный резонанс в образованном обществе.

Общество

Для того, чтобы понять корни этого резонанса, нужно вернуться к самому началу века, а может быть, даже к концу XIX-го. Вот как пишет об этом Солженицын во Втором узле «Красного Колеса» (Октябрь 1916):

«Как две обезумевших лошади в общей упряжи, но лишённые управления, одна дёргая направо, другая налево, чураться и сатаняя друг от друга и от телеги, непременно разнесут её, перевернут, свалят с откоса и себя погубят, – так российская власть и российское общество, с тех пор как меж ними поселилось и всё разрасталось роковое недоверие, озлобление, ненависть, – разгоняли и несли Россию в бездну. И перехватить их, остановить – казалось, не было удалца».

И кто теперь объяснит: где же это началось? К то начал? В непрерывном потоке истории всегда будет неправ тот, кто разрезает его в одном поперечном сечении и скажет: вот здесь! всё началось – отсюда!

Эта непримиримая рознь между властью и обществом – разве она началась с реакции Александра III? Уж тогда, не верней ли – с убийства Александра II? Но и то было седьмое покушение, а первым – каракозовский выстрел¹.

Никак не признать нам начало той розни – позднее декабристов.

А не на той ли розни уже погиб и Павел?

Есть любители уводить этот разрыв к первым немецким переодеваниям Петра – и у них большая работа. Тогда и к собо-

рам Никона. Но будет с нас остановиться и на Александре II.

При первом сдвиге медлительных многоохватных, дальним взглядом ещё не предсказуемых его реформ (вынужденных, как обзывают у нас, будто бывают полезные реформы, не вынужденные жизнью) – почему так поспешно вскричала «Молодая Россия»: «нам не к о г д а ждать реформ!», и властитель дум Чернышевский позвал к топору, и огнём полыхнул Каракозов? ...Один Достоевский спрашивал их тогда: что они так торопятся? Торопились ли они обогнать начатки конституции, которые готовил Александр II? В самый день убийства он утвердил создание преобразовательных комиссий с участием земств – действительно дни оставались террористам, чтобы сорвать рождение русской конституции».

Так что гражданская война началась не в 1917–1918 году, а гораздо раньше.

Крайним левым крылом этого раздиранья страны были эсеры и эсдеки. Но с начала XX века все уверенней звучал голос будто бы умеренных, будто бы центристских конституционных демократов – многочисленной партии Народной Свободы (кадетов). В последней Думе, объединившись с более консервативными октябристами и умеренными националистами в Прогрессивный блок, они совместно составили уверенное центристское большинство.

Кадеты

Партия кадетов возникла в октябре 1905 года, в разгар Первой русской революции. Учредительный съезд партии собрался в Москве. О многом может сказать описанный Солженицыным эпизод тех дней (напоминаем, что реплики исторических персонажей в романе набраны с отступом):

«Съезд не успел ещё кончиться, как вбежал сотрудник “профессорских” “Русских Ведомостей”, в изнеможении и восторге потрясая непросохшим корректурным листком с Манифестом 17 октября. Радость! Победа! Но – верить? не верить? Хитрость? оттяжка? Противник пал духом? Делегаты валили на Большую Дмитровку на банкет, там в игорном зале подбросили Милюкова на стол говорить, и он, уже смерив, возгласил:

Ничего не изменилось! война продолжается!

...Стало модно повторять Вергилия – *flectere si nequeo superos Acheronta movebo*, если не смогу склонить Высших – двину Ахеронт (адскую реку). И почему ж бы нет, если союзницу-революцию можно будет использовать против власти, перепугать, – а когда нужно, всегда остановить?»

Не менее важным кажется и еще одно приведенное в романе наблюдение (оно принадлежит не Солженицыну, а земскому деятелю Д.Н. Шипову):

«К религии кадеты были если не враждебны, то равнодушны. Их безрелигиозность и мешала им понять сущность народного духа. Из-за неё-то, искренно стремясь к улучшению жизни народных масс, они разлагали народную душу, способствуя проявлению злобы и ненависти – сперва к имущественным классам, потом и к самой интеллигенции».

В первые годы существования партии она несколько раз фактически отказывалась от предложений правительства войти в кабинет, выдвигая в ответ невыполнимые требования. Но с середины 1917 года в Думе центристы все настойчивее выдвигали требование «правительства народного доверия»: предполагалось, что большинство действующих министров уйдут в отставку, а их места займут члены Прогрессивного блока, прежде всего кадеты. Именно по такому принципу (правда, не через отставку, а через арест всех министров²) и был сформирован первый состав Временного правительства.

Война

О том, какую катастрофическую роль сыграло в нашей истории совсем не обязательное для России участие в Первой мировой войне, сказано много, и повторять это не стоит. Здесь мне хотелось бы (опять – цитатой) напомнить только о том, как она была воспринята прогрессивной частью общества.

Павел Николаевич Милюков (1859–1943) был лидером Конституционно-демократической партии (Партии народной свободы, кадетской партии), министром иностранных дел в первом составе Временного правительства. С 1916 года почетный доктор Кембриджского университета. Окончил историко-филологический факультет Московского университета (1882; исключался за участие в студенческой сходке в 1881 году, восстановлен в следующем году). В университете был учеником В.О. Ключевского и П.Г. Виноградова. Был оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию.

Магистр русской истории (1892; тема диссертации: «Государственное хозяйство России первой четверти XVIII века и реформы Петра Великого»). 18 марта 1895 года за «намеки на общие чаяния свободы и осуждение самодержавия», которые содержались в лекции, прочитанной в Нижнем Новгороде, был отстранен департаментом полиции от преподавания в Московском университете в связи с «крайней политической неблагонадежностью». Следствие, проведенное «по всем правилам искусства» товарищем прокурора Московского окружного суда А.А. Лопухиным, закончилось, по словам Милюкова, «обычным решением, когда состава преступления не находили: административной высылкой». Ему запретили преподавать в других учебных заведениях и сослали в Рязань, где он участвовал в археологических раскопках и начал работу над «Очерками по истории русской культуры».

В 1899 году вернулся в Россию, в 1901 году за оппозиционную деятельность несколько месяцев провел в тюрьме. Публиковал статьи в оппозиционном эмигрантском журнале «Освобождение», стал одним из признанных идеологов российского либерализма. В 1903–1905 годах посещал Соединенные Штаты Америки, где читал лекции в Чикагском университете, а также в Бостоне в Lowell Institute. В сентябре 1904 принял участие в Парижской конференции российских оппозиционных и революционных партий от либерального Союза освобождения. В 1905 году, получив известия о «кровавом воскресеньи», вернулся в Россию. В мае – августе 1905 был председателем Союза союзов – объединения профессиональных организаций, находившихся в оппозиции к правительству.

В октябре 1905 стал одним из основателей Конституционно-демократической партии (Партии народной свободы), с марта 1907 года – председатель Центрального комитета этой партии. Был признанным лидером кадетов, во время дискуссий между членами партии обычно занимал центристские позиции. Член ЦК кадетской партии А.В. Тьркова писала: «В партии было много незаурядных людей. Милюков поднялся над ними, стал лидером прежде всего потому, что крепко хотел быть лидером. В нем было редкое для

«С первых дней этой войны кадеты попали в неожиданное и сложное положение. Даже не в днях первых, а в самых первых часах всеобщей мобилизации во всенародном и даже общественном настроении властью проступил тот самый “патриотизм”, которым до сих пор бранились и о котором даже думать забыли как о реальности. И выступить против этой войны, как выступали против Японской, – сразу оказалось невозможным. И невозможно стало вообще поносить правительство, как делали всё время, – потому что оно внезапно оказалось популярным. И кадетским лидерам оставалось определить:

Да будут забыты внутренние распри. Да укрепится единение царя с народом».

...Значит, у них не было теперь иного выхода, как опередить правительство в патриотизме и даже в самой борьбе с германским милитаризмом. И даже отеснять правительство от многого, что связано с войной (не от ведения военных действий, конечно), и тем временем захватывать повсюду как можно больше видных мест.

А так далеко вклинились между российским обществом и российской властью – раздор, недоверие, подозрение, хитрость, в таком взаимном разладе они вступили в войну, что, даже оба теперь желая победы, подозревали другое в поражённости».

Обвинение в пораженчестве, измене, желании заключить сепаратный мир с Германией было одним из самых страшных. В народном сознании оно неизбежно отражалось не только как вопрос «за что же мы тогда погибали?!», но и как ощущение предательства. Слухи о том, что царская семья каким-то образом замешана в связях с врагом (позднее при самом внимательном изучении документов, переписки и пр. Временным правительством так ни в чем и не подтвердившиеся) в народе ходили. Но до 1 ноября ни один политический деятель не выступал с таким обвинением официально.

Речь Милюкова

Вот как описывает это выступление Солженицын:

«Сегодня с особой задачей всходит на

русского общественного деятеля сосредоточенное честолюбие. Для политика это хорошая черта».

В 1920-е в эмигрантской прессе консервативной направленности в связи с речью Милюкова «Глупость или измена» появились утверждения, что Милюков сознательно использовал клевету с целью подготовки государственного переворота, о чем впоследствии сожалел; в частности, был опубликован говорящий об этом отрывок из его частного письма, подлинность которого можно поставить под сомнение.

В ноябре 1918 года Милюков выехал в Турцию, а оттуда – в Западную Европу, чтобы добиться от союзников поддержки Белого движения. Жил в Англии, с 1920 года – во Франции, где возглавлял Союз русских писателей и журналистов в Париже и совет профессоров во Франко-русском институте. Подвергался нападкам со стороны монархистов за участие в организации революции, 28 марта 1922 года его пытались убить (тогда Милюков остался жив, но погиб известный деятель кадетской партии В.Д. Набоков, отец известного впоследствии писателя Владимира Набокова). В эмиграции занимался историческими исследованиями, опубликовал «Историю второй русской революции», труды «Россия на переломе», «Эмиграция на перепутье», начал писать «Воспоминания», оставшиеся незавершенными.

Критически относился к большевикам, но поддерживал имперскую внешнюю политику Сталина – в частности, одобрял войну с Финляндией, заявив: «Мне жаль финнов, но я за Выборгскую губернию». В канун Второй мировой войны утверждал, что «в случае войны эмиграция должна быть безоговорочно на стороне своей родины». Во время войны был решительным противником Германии, незадолго до смерти искренне радовался победе советских войск под Сталинградом. Умер в Экс-ле-Бен.

кафедру лидер партии Народной Свободы и лидер Прогрессивного блока. Он – с марта по-настоящему не выступал, он целую думскую сессию пропустил в европейской поездке. Да уже две сессии кряду прошли слишком мирно... возросли долг и вина перед левыми, уже нельзя отстать от революционной общности, пришёл момент дерзко эффективно взорвать там, где не удалось высидеть и сдвинуть... (“Дума отставала, общий барометр поднялся. Ждали нового слова с возраставшим нетерпением. Его надо было сказать 1 ноября. Было ясно, что удар по Штюмеру уже недостаточен, надо идти выше, не щадить источника, к которому слухи восходят. Я сознавал тот риск, которому подвергался, но считал необходимым с ним не считаться”).

И, поднимаясь на кафедру, он возносит с собой невидимую пудовую бомбу, ставит её пока у ног...

Милюков: Скажу открыто: мы потеряли веру, что эта власть может нас привести к победе. Все союзные государства призвали в ряды власти самых лучших людей изо всех партий. (Такие же есть и у нас!..)

...Итак, разрешите мне остановиться на назначении Штюмера министром иностранных дел... Откуда берут германские газеты уверенность, что Штюмер, исполняя желание правых, будет действовать против Англии? Из сведений русской печати. В московских газетах была напечатана в те же дни записка крайних правых,

голос оратора ожесточается, это – те самые тёмные силы, кто мешает свободе, победе и Англии,

опять, господа, записка крайних правых, всякий раз записка крайних правых (*Замысловский: “И всякий раз это оказывается ложью!”*), доставленная в Ставку в июле. В этой записке заявляется, что хотя и нужно бороться до окончательной победы, но нужно кончить войну своевременно, а иначе плоды победы будут потеряны вследствие революции⁴. (*Замыслов-*

Накануне катастрофы

ский: "Подписи! Подписи!")

Да не знает Милоков никаких подписей, он такой газеты не видел, но тут приходится правдоподобно клеить из мозаики, ибо

...это старая для наших германологов тема...

Замысловский: Подписи! Пусть скажет подписи!

Милоков: Я цитирую московские газеты.

Какие газеты? за какое число? От чего бы не сказать? Да ведь газет много, календарных чисел ещё больше, всего не пересмотришь, а Павел Николаевич был за границей, потом недосуг, вот Neue Freie Presse – пожалуйста, от 25 июля.

...Вот прицепились с этими подписями! Ведь сидит же спокойно Прогрессивный блок, сидят спокойно левые, никаких подписей не требуют, всё объективно. Большинство зала – против тёмных сил, и отступленья уже нет, теперь вся уверенность – в твёрдости голоса:

Милоков: Я сказал вам свой источник – это московские газеты, из которых есть переписки в иностранных газетах...

Не сказать прямо – в газетах другой воюющей стороны, неудобно, но немцы-то, аккуратные люди, неужели же будут неправильно цитировать? Наверно, промелькнуло где-нибудь. Ну, может быть, не именно точно так.

Я передаю те впечатления, которые за границей... Я говорю, что мнение иностранного общества такое, что в Ставку доставлена записка крайних правых,

(и, как все документы Ставки, опубликована в московских газетах)

что нужно поскорее кончить войну, иначе будет революция. ...Господа, вы знаете, что кроме приведенной записки существует целый ряд отдельных записок... Idee fixe: революция, грядущая со стороны левых!

Ну, действительно, чего не придумают: революция – и вдруг со стороны левых! Да где это видано?

...И вот подхотит самое взрывное место речи... Вот приём: п р о ч е с т ь п о н е м е ц к и ! – бегло, с лёгкостью, лишь бы прочесть, хотя бы не поняли, лишь бы не прервали:

Это – та придворная партия, которая назначила и Штюмерра. Как пишет Neue Freie Presse: "Das ist der Sieg der Hofpartei, die sich um die junge Zarin gruppiert!"

...в зале мало кто понял, – неважно, лишь бы сказано, а переведётся в списках. Будут захлебываться, передавая изустно:

придворная партия, сгруппированная вокруг молодой царицы!!!

...И когда из уст британского посла... тяжеловесное обвинение против того же круга лиц... переводите сами – круг молодой царицы,

подготовить путь к сепаратному миру...

Вот она, сила парламентского слова! – как там ни стянута, ни сплетено, но едва произнесено – и уже стынет гранитным утёсом: царица готовит сепаратный мир!!!⁵

Никто не успевает ни сообразить, ни крикнуть, ни пикнуть: а – какие же, собственно, эти "некоторые основания"? Откуда вы, Павел Николаевич и сэр Джордж Бьюкенен, заключаете, что...?

(Ну, когда-нибудь, когда-нибудь Павел Николаевич объяснит добродушно: официальных следов в русском министерстве иностранных дел не нашлось. Однако намёки были постоянные, так что может быть тут кое-что и было).

Ну, а раз намёки были – значит, лидер думской оппозиции имеет право обвинить русское правительство в и з м е н е !

И не всё ли равно для практического результата, имеем ли мы дело с глупостью или

изменой? Когда власть сознательно предпочитает хаос и дезорганизацию – что это: ГЛУПОСТЬ или ИЗМЕНА? (Справа – гневный шум, крики, ломают поппиты. В центре и слева – ликование).

Ведь это кинул – не социалист, который за слова не отвечает, но лидер образованных цензовых ответственных людей! Он – зря не скажет!

Вы спрашиваете: как же мы начинаем бороться во время войны? Да ведь, господа, только во время войны они и опасны. Поэтому во время войны и во имя войны мы с ними теперь и боремся! ("Браво!" Рукоплескания). Победа над злонамеренным правительством будет равносильна выигрыванию всей кампании!! (Бурные продолжительные рукоплескания, кроме крайних правых).

Да-да, аплодируйте, а я тихо сойду на место. Аплодируйте, но вы сами ещё не понимаете, какую речь вы слышали сегодня. За ней установится репутация штормового сигнала к революции!⁶

Итак, с парламентской трибуны открыто объявлено, что монарх этой страны – изменник и состоит в сговоре с воюющим врагом. Какая же карающая десница завтра упадёт на голову клеветника?

А никакая.

Какой гром разразится над ней?

А никакой. Ведь давно уже привыкли, что общество недоволено, что общество нападает, – и сочно хорошим тоном не унижаться до ответов.

Но если под основание трона внесли глину измены, а молния не ударяет, – то трон уже и поплыл.

Что делать и кто виноват

Из того, о чем мы написали, можно сделать самые разные выводы. И главный из них – вина и посягательства на трон, кто стремится к власти ради власти, думает не о родине, а прежде всего о себе на ее фоне. И это равно может касаться людей самых разных политических взглядов. Да, конечно, мы уже знаем и гораздо худшие вещи, например, такие как распродажа богатств родной страны ради личной выгоды и накопления богатства в другой стране, куда можно вовремя сбежать; но это не оправдывает политического легкомыслия и безответственности.

Есть и еще одна вещь, о которой хотелось бы помнить: в каждый момент времени было возможно изменить ход истории. Но не нашлось тех, кто был бы способен это сделать.

Александра Колымагина

¹ На императора Александра II было совершено несколько покушений, первым из которых был выстрел Каракозова 4(16) апреля 1866 года. Пуля пролетела над головой императора, вышедшего из Летнего сада и направлявшегося к своей карете: стрелявшего толкнул стоявший рядом крестьянин Осип Комиссаров. После этого императора пытались убить в 1867 году в Париже, в 1879 году в Петербурге, в том же году под Москвой (попытка взрыва императорского поезда); в 1880 году С.Н. Халтуринным был произведен взрыв на первом этаже Зимнего дворца, погибла охрана (11 человек) на втором этаже, царя спасло то, что он задержался к обеду. 1 марта 1881 года в результате очередного покушения Александр II был убит.

² В ночь с 1 на 2 марта 1917 года председатель Думы М.В. Родзянко передал Николаю II (в ходе переговоров об отречении): «вынужден был, во избежание кровопролития, всех министров, кроме военного и морского, заключить в Петропавловскую крепость...» – *Ред.*

³ Фразы взяты из воспоминаний Милокова, написанных в годы Второй мировой войны. – *Ред.*

⁴ Теперь, глядя назад, мы не можем не отметить, что если бы такая записка существовала, она бы отражала достаточно здравый взгляд. – *Ред.*

⁵ В 1917 году специальная комиссия Временного правительства после подробного расследования не нашла никаких признаков подготовки сепаратного мира со стороны членов царского дома. Милоков, опрошенный в числе множества свидетелей, не смог предоставить ни одного факта или фамилии. – *Ред.*

⁶ Так с гордостью вспоминал свою речь сам Милоков в 1-м томе «Истории второй русской революции», законченном им в августе 1918 года (то есть к тому моменту, когда стало очевидно, что «Ахеронт» вышел из берегов и не повернет обратно). – *Ред.*

Начало Покаяния

Из статьи Александра Солженицына «Раскаяние и самоограничение»

Именно тот, кто оценивает существование наций наиболее высоко, кто видит в них временный плод социальных формаций, но сложной, яркий, непотворимый и не людьми изобретенный организм, – тот признаёт за нациями и полноту духовной жизни, полноту взлётов и падений, диапазон между святостью и злодейством (хотя бы крайние точки достигались лишь отдельными личностями).

...пристойно автору русскому и пишущему для России обратиться к раскаянию – русскому. Эта статья и пишется с верой в природную склонность русских к раскаянию, а потому – в нашу способность даже и в нынешнем состоянии найти в себе импульс к нему и явить всемирный пример.

Не случайно одна из опорных пословиц, выражающих русское миропонимание, была (была до революции...)

НЕ В СИЛЕ БОГ, А В ПРАВДЕ.

Конечно, не от одной природы нашей так, но, влиятельной, от православия, очень искренне усвоенного когда-то всею народной толщей. (Это теперь мы почти поголовно уверены, что сила солону ломит и соответственно служим тому.)

Дар раскаяния был послан нам щедро, когда-то он заливал собою обширную долю русской природы. Не случайно так высоко стоял в нашей годовой череде прошённый день. В дальнейшем прошлом (до XVII века) Россия так богата была движениями раскаяния, что оно выступало среди ведущих русских национальных черт. В духе допетровской Руси бывали толчки раскаяния – вернее, религиозного покаяния, массового: когда оно начиналось во многих отдельных грудях и сливалось в поток. Вероятно, это и есть высший, истинный путь раскаяния всенародного. Ключевский, исследуя хозяйственные документы древней России, находит много примеров, как русские люди, ведомые раскаянием, прощали долги, кабалу, отпускали на волю холопов, и тем значительно смягчался юридически-жестоким быт.

...И летописи, и древнерусская литература изобилуют примерами раскаяния. И террор Ивана Грозного ни по охвату, ни тем более по методичности не разлился до сталинского во многом из-за покаянного опаматования царя.

Но начиная от бездушных реформ Никона и Петра, когда началось вытравление и подавление русского национального духа, началось и выветривание раскаяния, высушивание этой способности нашей. За чудовищную расправу со старообрядцами ...господствующая церковь никогда не произнесла раскаяния. И это не могло не лечь валуном на всё русское будущее. А просто: в 1905 г. гонимых простили... (Слишком поздно, так поздно, что самих гонителей это уже не могло спасти.)

Весь петербургский период нашей истории – период внешнего величия, имперского чванства, всё дальше вводил русский дух от раскаяния. Так далеко, что мы сумели на век или более передержать немислимое крепостное право. Так далеко, что и прорыв раскаяния мыслящего общества уже не мог вызвать умиротворение нравов, но окутал нас тучами нового ожесточения, ответными безжалостными ударами обрушился на нас же: невиданным террором и возвратом, через 70 лет, крепостного права еще худшего типа.

В XX веке благодатные дожди раскаяния уже не смягчали закаленной русской почвы, выжженной учениями ненависти. За последние 60 лет мы не только теряли дар раскаяния в общественной жизни, но и осмелили его. Опротетчиво было обронено и подвергнуто презрению это чувство, опустошено и то место в душе, где раскаяние жило. Вот уже полвека мы

двигаемы уверенностью, что виноваты царизм, патриоты, буржуа, социал-демократы, белогвардейцы, попы, эмигранты, диверсанты, кулаки, подкулачники, инженеры, вредители, оппозиционеры, враги народа, националисты, сионисты, империалисты, милитаристы, даже модернисты – только не мы с тобой! Стало быть, и исправляться не нам, а им. А они – не хотят, упираются. Так как же их исправлять, если не штыком (револьвером, колючей проволокой, голодом)?

Одна из особенностей русской истории, что в ней всегда, и до нынешнего времени, поддерживалась такая направленность злодеяний: в массовом виде и преимущественно мы причиняли их не вовне, а внутрь, не другим, а – своим же, себе самим. От наших бед больше всех и пострадали русские, украинцы да белорусы. Оттого и пробуждаясь к раскаянию, нам много вспоминать придется внутреннего, в чем не укоряет нас извне.

Легко ли будет всё честно вспомнить – нам, потерявшим самое чувство правды? Мы, нынешнее старшее и среднее поколение, всю нашу жизнь только и брели и хлюпали зловонным болотом общества, основанного на насилии и лжи, как же не замараться?

...Мы привыкли, что надо подчиняться и лгать, иначе не проживешь – и в том воспитывали наших детей. Каждый из нас, если станет прожитую свою жизнь перебирать честно, без уловок, без упрятков, вспомнит не один такой случай, когда притворился, что уши его не слышат крика о помощи, когда отвел равнодушные глаза от умоляющего взора, сжег чьи-то письма и фотографии, которые обязан был сохранить, забыл чьи-то фамилии и знакомство со вдовами, отвернулся от конвоируемых и, конечно же, всегда голосовал, вставал и аплодировал мерзости (хоть и в душе испытывая мерзость) – а как бы иначе уцелеть? Но и: великий Архипелаг как бы иначе простоял среди нас 50 лет незамеченный?

Уж говорить ли о прямых доносчиках, предателях и насильниках, которых, наверно, тоже был не один миллион, иначе как бы управиться с таким Архипелагом?..

И если мы теперь жаждем – а мы, проясняется, жаждем – перейти наконец в общество справедливое, чистое, честное, – то каким же иным путем, как не избавясь от груза нашего прошлого, и только путем раскаяния, ибо виновны все и замараны все? Социально-экономическими преобразованиями, даже самыми мудрыми и угаданными, не перестроить царство всеобщей лжи в царство всеобщей правды: кубики не те

...Пытаясь выразить национальное раскаяние, приходится испытывать не только враждебное сопротивление с одной стороны, но и страстное вовлечение – с другой. Писал С. Булгаков, что «только страждущая любовь даёт право и на национальное самозаушение». Кажется: нельзя «раскаиваться», ощущая себя сторонним или даже враждебным тому народу, «за» который взялся раскаиваться? Однако именно такие охотники уже проявились. А при затемненности нашей близкой истории, уничтожении архивов, потере свидетельств, потому беззащитности нашей от любых самоуверенных и непроверенных суждений, от любых обидных извращений, вероятно, много ждет нас таких попыток.

...Так, уже при начале раскаяния получаем мы предупреждения, какими обидами и клеветами будет утыкан этот путь. Кто начинает раскаиваться первым, раньше других и полней, должен ждать, что под видом покаянщиков слетятся и корыстные печень твою клеветать.

А выхода нет всё равно: только раскаяние.

Статья была написана в ноябре 1973 года, за полгода до высылки Солженицына из СССР

ЯНИЯ

Из документов и воспоминаний начала XX века

Из Обращения Священного Собора к редакциям газет от 11 (24) ноября 1917 г.: ...Священный Собор ныне призывает всю Российскую Церковь принести молитвенное покаяние за великий грех тех своих сынов, которые, поддавшись прельщению по неведению, впали в братоубийство и кощунственное разрушение святынь народных. Примем содеянное ими как всенародный грех и будем просить Господа о прощении. Сам Господь да пробудит в сердцах их спасительное покаяние и сознание всей вины их перед Богом и русским народом.

Покайтесь же и сотворите плоды покаяния! Оставьте безумную и нечестивую мечту лжеучителей, призывающих осуществить всемирное братство путем всемирного междоусобия. Вернитесь на путь Христов!

В канун праздника Воздвижения Креста Господня (27 сентября) по постановлению Синода и с благословения местных архиереев во многих русских епархиях, в том числе и в Москве, в Петербурге, в Троице-Сергиевской лавре, с 1918 г. стали проводиться особые дни покаяния. Церковь считала Гражданскую войну и религиозные гонения результатом тяжких грехов самого русского народа и надеялась раскаяниями в них восстановить мир и тишину и перебороть смуту. Желавшие принять участие в днях покаяния накладывали на себя трехдневный пост и потом за днящей всю ночь службой исповедовались в своих грехах и на литургии причащались Святых Таин. Особый чин всенародного покаяния, составленный Петроградским митрополитом Вениамином, был издан специальной брошюрой и напечатан в «Церковных ведомостях».

В сентябре 1920 года дни покаяния были назначены в Крыму. Протоиереем профессором Сергием Булгаковым было по поручению епископов составлено специальное послание. «По постановлению нашего Синода на 12–14 сентября (старого стиля) было назначено всеобщее покаяние в грехах... Эти три дня в городе Севастополе денно и ношно (например, во Владимирском соборе на горе) шли богослужения и исповеди. А на праздник Воздвижения Креста Господня причащались. Настроение было молитвенно покаянным. Но к концу этих дней я получил от какого-то ревнителя благочестия жалобное письмо: «Владыка, где же наше начальство? Почему никого из них не видно в храмах? Неужели лишь рабочим нужно каяться, а не им?»¹, – вспоминает митрополит Вениамин (Федченков), тогда епископ Севастопольский.

¹ На рубеже двух эпох. Митрополит Вениамин (Федченков).

Из блога священника Георгия Кочеткова

Вечером 30 октября в Центральном доме архитектора в Москве сотни и сотни человек, читавших в этот день в различных местах Москвы имена погубленных советской властью людей, вспоминая своих предков, родных и близких, молились за Россию и каялись пред Богом, народом, страной и церковью за учинённые незаконной властью преступления.

Они ясно осознавали, что это – начало того Покаяния, которое только и может привести к воскресению нашего народа, нашей церкви и страны. Они не судили никого и целодневно под снегом и дождем читали имена всех незаконно убиенных, даже если это были НКВД-шники и другие явные преступники. Всем стало ясно, что теперь нам надо не просто жить не по лжи, теперь надо прожить хотя бы один оставшийся до столетнего юбилея Русской катастрофы год в покаянии пред всеми, за всех и за всё, а также в молитве, которая являет собой реальную надежду на то, что будет в нас новая жизнь, что откроется новая страница нашей истории, не наследующая бывших преступлений, не согласная с её последствиями в своей жизни.

Самые разные люди – академики и народные артисты, простой народ, потомки славных русских дворян и русской интеллигенции, люди молодые и старые – единными устами и единым сердцем возносили свою молитву и приносили глубокое покаяние во имя очищения нашей земли от всякой скверны, во имя возрождения в ней веры, надежды и любви, истины и свободы. На вечере звучали самые разные покаянные молитвы, как написанные нашими современниками, так и молитвы, явленные в России в разные времена народных смут, начиная с молитв святому мученику патриарха Ермогена или святителя патриарха Тихона до молитв Н.Н. Неплюева и А.И. Солженицына.

Поразительный дух Пасхи охватил сердца людей после окончания Молитвы за погубленную старую Россию, за погубленный старый русский народ. Это было явным свидетельством не наигранной, а подлинной благодати, данной Богом в ответ на совершённое действие покаяния, надежды и любви.

Кроме того, во время этого вечера прозвучал рассказ о десятках городов со всей России и из ближнего и дальнего Зарубежья, в которых также поминались жертвы советских репрессий. Москва и Подмосковье, Петербург, Екатеринбург, Воронеж, Тверь и Тула, Томск, Нижневартовск, Архангельск, Кишинёв, Рига, Гомель, Париж, города Канады и Америки и многие другие были в этот момент едины в своём духовном подвиге.

Единство народа и церкви и духовное единство людей разных национальностей и вер – это то, что было явлено в тот час, и то, чего можно и нужно ожидать в нашем будущем. Пусть же продолжается эта Молитва за Россию и пусть расширяется начавшаяся Акция Национального Покаяния! Пусть они дойдут до сердца каждого жителя нашей страны, до каждого жителя на территориях бывшей Российской империи, а также до тех в мире, кто готов к этому делу сердечно присоединиться!

Говорят участники Молитвы памяти 30 октября

Люди по-разному относятся к чтению имен в День памяти жертв политических репрессий 30 октября. В чем наша надежда, когда мы вспоминаем этих людей?

Александр Шишлов, уполномоченный по правам человека в Петербурге: Надежда в том, что мы здесь и здесь много людей. Целый день сегодня будут приходить люди и читать имена тех, кто погиб в годы репрессий. Мы должны делать это, невзирая на то, что сегодня в обществе многие не понимают той трагедии, которую мы пережили. И в том, что есть люди, которые хранят память, – залог того, что эта память будет жить и эти страшные времена не повторятся в нашей стране.

Внучатая племянница сщмч. Владимира (Богоявленского) Людмила Багрянская: Для меня это личная боль. Митрополит Владимир (Богоявленский) был родным братом моей прапрабабушки. В моей родне было много священнослужителей. И теперь я понимаю, что у моего отца тоже были задатки священника. Но он пошел на очень тяжелую работу, крутил какие-то вентили в котельной – как рекрут 25 лет. Он не знал, крестили его или нет. Уже потом стал читать книги о. Александра Меня, но воцерковленным человеком так и не стал. Когда он уже болел, я читала ему Евангелие.

Мне кажется, что жертва, принесенная новомучениками или даже неверующими людьми, которые пострадали, дала шанс нашей стране после развала как-то встать. Другое дело – как этот шанс был или, может быть, еще будет использован. Не только мы можем определять, но и Бог ведет каждого человека и все народы.

Вера Оболенская, родилась во Франции, живет в Петербурге последние двадцать лет: Мой дед был губернатором Ставрополя до революции. Если бы ему не удалось уехать во время революции, меня бы не было на свете. Мы жили в Вене. В день Победы в 1945 году, а он был всю жизнь монархист, его арестовали и отправили в советский лагерь, где он умер через полгода в возрасте 77 лет.

Столько людей погибло – цвет России. До сих пор об этом не говорят как следует, но хорошо, что помнят. Я считаю, что сегодня народу должно быть намного больше. Погибли все слои общества.

Должен быть целый институт, который должен во всем этом разбираться. Ученые говорят, что к началу XXI века в России должно было быть 450 миллионов человек. А теперь что? Сами истребили свою страну, свой народ. Нигде такого не было, нигде.

Я считаю, что очень хорошо, что мы сегодня собираемся, что есть панихиды. Священник сейчас очень хорошо сказал. Но народу должно быть больше, тем более сегодня воскресенье. Мы с мужем ходим сюда каждый год.

Пока все это не обсудим, пока потомки участников революции не признают, что это преступление – надежды не будет. Тут ведь рядом троцкисты собираются, вы видите? Пока эти партии имеют право ходить со своими флагами, пока им не запретят высказываться в стране, в гибели народа которой они участвовали, я думаю, надежды нет.

Иван Петров, историк, автор монографии «Православная Балтия. 1939–1953. Период войн, репрессий и межнациональных противоречий»: Важно именно читать имена, а не говорить о каких-то процессах в общем. Часто принято говорить о процессах, например, против духовенства. Но мы забываем очень многих простых людей, осужденных и репрессированных в этот период. Хорошо, что есть хотя бы один день в году, когда мы можем воздать дань памяти, вспомнить всех – не только тех,

В Архангельске молитва памяти проходила на площади около Областного драмтеатра (до 1920 года эта площадь называлась Соборной). В этом году Молитва памяти проходила более чем в двадцати городах разных стран на территории бывшей Российской империи, к ней присоединились и потомки русских эмигрантов во Франции, Канаде и США

кого знает вся Россия, не только ученых, дворян, представителей царской семьи, но и простых рабочих, тех, кого знают только родственники. И еще важно в этой акции памяти, что люди читают имена тех, кого не знают, с чьими семьями не пересекались, о ком даже семьи не могут вспомнить. Это, с одной стороны, акт познания, а с другой – акт покаяния. Ведь надо признать, что мы все так или иначе в годы советского безвременья содействовали репрессиям, активно им не противодействовали.

Иван, Вам 25 лет, Вы не содействовали.

Это покаяние от всего рода, от всего народа. Покаяние должны принести и государство, и народ. Когда мы говорим о покаянии только государства, то может быть так, что государство покаяется, как это было частично в 1990-е годы, но народ-то не покаялся. Он посчитал, что это дело государства. И об этом безмолвие народа мы все забыли.

И сейчас важно вспомнить наших бабушек и дедушек. И люди, которые поддерживают, скажем, культ Сталина сегодня, просто не разбираются часто в истории своей семьи и не понимают, что такие же простые люди, крестьяне и рабочие, были репрессированы. Покаяние народа должно означать отсутствие забвения того, что было. И, безусловно, это большая призывка против того, что случилось тогда, охраняющая нас от повторения.

Многие из наших соседей из Восточной Европы, которые пережили коммунистический режим, пусть не в таком размере, как мы, смогли перешагнуть через это путем покаяния. Но, правда, покаяние там часто в том, что видят «внешнего агрессора» и тех, кто пошел с ним на сотрудничество, а это должно быть именно покаяние всего народа.

Надежда на то, что Православная церковь как одна из наиболее пострадавших частей общества должна быть в фарватере этого покаяния. Забыв о подвиге священномучеников, о подвиге братств, она может от них отречься и тем самым поставить между собой и атеистическим государством знак равенства. Это самое страшное, когда церковь не встает во главе этой памяти – и надежда как раз в связи с этим уходит.

Но в том, что в этих акциях участвуют и пожилые люди, свидетели репрессий, и люди моего возраста, и молодежь, с детьми, мы видим некое единство и надежду на то, что это не повторится. Мы действительно не можем сказать, что все наше общество сейчас забыло о периоде политических репрессий и что оно готово вновь безмолвно терпеть то, что оно терпело с 1917 по 1991 годы.

Беседовала Анастасия Наконечная

Санкт-Петербург. Один из участников Молитвы памяти нашел в «Ленинградском мартирологе» имя своего деда и сразу стал звонить матери, чтобы рассказать об этом

В Москве прошла презентация фильма «Исповедник Борис Холчев»

О фильме и его герое рассказывает режиссер Олег Глаголев

Начало на с. 3

Отец Борис был потрясающей личностью, и он во-брал в себя то самое важное, что сейчас людям надо передать. Это какой-то особенный дар – служение исповедника. Это были люди, которые приняли опыт новомучеников* и несли его в позднесоветское время – в годы, которые вслед за Анной Андреевной Ахматовой иногда называют «вегетарианскими», но подлость этого времени и его тлетворность для веры православной общеизвестны... Почему я это говорю? Потому что важно, чтобы их слово и до нас дошло, и до тех людей, которые ищут веру, чтобы оно сейчас звучало. В каком-то смысле сам этот фильм – попытка дать голосу отца Бориса зазвучать в наше время. Поэтому в фильме есть не только он сам, там есть люди, которые ищут живого слова о вере и Христе сейчас. И есть свидетели его жизни и служения, например человек, которого о. Борис привел к вере, огласил, крестил и не только окормлял, но и буквально кормил долго, помогая выживать. Этот человек, художник, стал священником. Это отец Михаил Котляров, ему сейчас за 80, и в фильме он рассказывает об о. Борисе. И есть бесценные свидетельства ученика и подлинного наследника служения новомучеников и исповедников Российских отца Павла Адельгейма.

Беседовала Анастасия Наконечная

Кадр из фильма. В центре – архимандрит Борис. Среди окружающих его клириков будущий исповедник протоиерей Павел Адельгейм (стоит за спиной о. Бориса, крайний справа во втором ряду).

* Отец Борис был наследником новомучеников в самом прямом смысле: священномучеником Сергием Мечёвым ему было завещано окормление общины. Сам отец Сергий стал настоятелем храма свт. Николая в Кленниках и главой маросейской общины в 1923 году, после смерти отца по благословению оптинского старца Нектария. В этом же году он был ненадолго заключен в тюрьму за непризнание обновленческого движения.

При о. Сергии в маросейской общине получило развитие движение духовных семей, которые часто встречались, вместе читали святоотеческую литературу и молились. Его ближайшими соратниками были Борис Холчев (ставший диаконом, а затем священником в храме свт. Николая) и Сергей Никитин, председатель приходского совета, в 1930-е годы тайный священник, с 1960 года – епископ Стефан.

В 1927 году о. Сергий отказался поддержать Декларацию митрополита Сергия (Страгородского) и стал «непоминающим». 29 октября 1929 года он был арестован вместе с двумя другими священниками и несколькими прихожанами храма на Маросейке, обвинён в создании антисоветской группы и выслан в Северный край. В ссылке, в Архангельске и Кадникове, вел переписку и встречался с приезжавшими к нему духовными детьми. В 1933 году был арестован в ссылке по обвинению в антисоветской агитации, заключён в вологодскую тюрьму и приговорён к пяти годам лишения свободы. Летом 1937 года был освобождён и жил нелегально на станции Сходня Московской области (после освобождения нельзя было селиться ближе 100 км от Москвы, Ленинграда, столиц союзных республик), затем работал в поликлинике города Калинин (ныне Тверь), жил недалеко от города. Продолжал поддерживать связь со своими духовными детьми. В 1938 году пригласил епископа Мануила (Лемешевского) для тайного рукоположения нескольких из них в священники. Позже о. Сергий был вынужден покинуть Калининскую область и в начале 1940 года переехал в Рыбинск, где работал фельдшером в поликлинике, а затем в деревню под городом Тутаевом. Каждый день тайно служил литургию.

После начала войны, 7 июля 1941 года, был арестован и заключён в Ярославскую тюрьму. Обвинён в том, что «ведёт работу по созданию подпольных т. н. "катакомбных церквей", насаждает тайное монашество по типу иезуитских орденов и на этой основе организует антисоветские элементы для активной борьбы с Советской властью». Расстрелян 6 января 1942 года.

Когда одна община обращается к другой

Вышло из печати переиздание молитвослова «Избранные молитвы: Из наследия братства епископа Макария (Опоцкого)»

Что в этом переиздании примечательного и есть ли в нём какие-то новые молитвы, которых не было в прежнем издании?

З.М. Дашевская, старший преподаватель кафедры Богословских дисциплин и литургии СФИ: Второе издание избранных молитв братства владыки Макария (Опоцкого) содержит одну очень интересную молитву. Она является частью составленного членами этого братства Чина двенадцати апостолов. Сама по себе форма обращения не просто к двоиче первоверховных апостолов, а сразу ко всем двенадцати уникальна и интересна. Но молитва (к слову, достаточно объёмный текст) замечательна еще и тем, что служение апостольства осмыслено в ней не только как духовный дар проповеди «царственной власти Христа на земле», но и как стремление самих апостолов стяжать Дар Святого Духа и соиздание ими «братского во Христе жития... как основы для исполнения Нового Завета во Плоти и Крови Его». Главное прошение этой молитвы апостолам заключается в том, чтобы и нам, тем, кто к ним обращается, сподобиться этого духовного дарования – дара апостольства, свидетельства, но также обрести «благодатную стезю свыше творить и любить братство в своей среде». В русской традиции мы найдем не так много молитв, которые предполагали бы такого рода дерзновение. Мне в связи с этим вспоминается молитва Богородице, которая также опублико-

вана в этом молитвослове, содержащая прошение о том, чтобы и мы соделались апостолами и благовестниками Евангелия Царства Божьего.

Может ли быть связано это редкое явление – обращение ко всей апостольской общине в целом – с тем, что молитва исходила из среды братства, т. е. из среды людей, которые стремились к возрождению общинной жизни в церкви?

Я думаю, это несомненно так. Корни такого «общения общин» мы находим в самой новозаветной традиции – когда одна община обращается к другой, собирает пожертвования для помощи ей, или когда апостол пишет в своем послании: «И когда это послание прочитано будет у вас, сделайте, чтобы оно было прочитано и в церкви Лаодикийцев, и чтобы то, которое из Лаодикии, прочли и вы» (Кол 4:16). Я думаю, общение между общинами христиан также было утверждением веры в общение святых.

Возвращаясь к чину, составленному членами братства владыки Макария, можно говорить о том, что братчики обращаются к двенадцати апостолам именно как к церковному собранию. Они прямо спрашивают в молитве о научении святому братолюбию, жизни в любви Христовой, которая связана и со свидетельством, и со страданием. Это свидетельство братолюбия, которое осуществляется не только внутри одной общины, но и предполагает общение между церковными общинами, очень важно для нас сегодня, когда люди, может быть, более всего оказываются разобщенными и чувствуют эту разобщенность, даже оказавшись внутри церкви.

Слава Богу, что эти молитвы из молитвослова владыки Макария используются. Очень радостно видеть, как, например, молитву для подготовки к причастию из этого молитвослова миряне используют, когда ждут причащения во время раздробления даров для причастников на литургии. Это замечательный текст, и он тоже, оказывается, имеет свою жизнь, свое продолжение не только в братстве владыки Макария, но и среди других православных христиан. Эти молитвы – живые свидетельства действия Духа Святого, плод живой веры, и можно надеяться, что они будут шире использоваться православными христианами как наследие из сокровищницы молитвенной жизни Церкви.

Расскажите немного о том акафисте, молитва из которого вошла в переиздание молитвослова владыки Макария (Опоцкого).

Галина Ложкова, один из составителей сборника: Опубликованная в новом сборнике молитва двенадцати апостолов наряду с тропарем и канонном входит в состав «Службы двенадцати апостолов» и написана «на день собора их». Работая над первым изданием, мы знали, что рукопись этой службы существует в архиве братства, но не включили ее в первую публикацию, поскольку планировали издать в первую очередь повседневные более краткие молитвы, соответствующие привычным разделам традиционного православного молитвослова. Когда же буквально через год все 800 экземпляров первого издания были полностью раскуплены, встал вопрос о продолжении работы над книгой. К большой нашей радости, отклик на первое издание свидетельствовали о том, что книга нашла своего читателя и не просто читателя: многие люди стали использовать ее для личной молитвы. А именно это и было нашей заветной мечтой как издателей – чтобы эти замечательные братские молитвы вошли в церковный обиход. И в следующем издании мы хотели продолжить и расширить представление молитвенного опыта братства еп. Макария, поэтому вспомнили о «Службе двенадцати апостолам», все молитвы которой исполнены любовью к Богу и ближним и горячей верой в Церковь как в собрание, что имеет актуальное звучание сегодня.

Есть еще материал, за счет которого было расширено содержание второго сборника, он связан с поэтическим наследием членов братства. Когда наши исследователи стали ближе знакомиться с историей братства еп. Макария и открывать для нас новые факты его жизни, стало понятно, что братская жизнь вдохновляла людей не только на молитвенное творчество, но и на поэтическое. Это особенно любопытно, потому что члены братства были в основном людьми «не книжными», простыми, многие не имели законченного образования. И при этом в братской среде рождались настолько вдохновенные молитвы, настолько глубокие по смыслу стихи! Нам показалось важным отразить этот момент в новом сборнике. В него также добавлена информация о судьбе самих членов братства. Многие из них были репрессированы, и в биографическую часть издания вошли материалы следственных дел.

Тираж тот же?

Тираж увеличен до 1000 экземпляров. Первое издание стало настоящим открытием для читателей, прежде всего для тех членов нашей церкви, кто имеет опыт общинной и братской жизни, интересуется традицией соборной молитвы: молитвослов носят с собой, в него вчитываются, что-то заучивают наизусть. На сегодня стоит задача представления второго издания молитвослова более широкому кругу читателей.

Известно ли, к какому времени принадлежат эти молитвы? Ведь владыка Макарий основал несколько братств в разное время.

Расцвет молитвенного творчества приходился скорее всего на 20–30-е годы прошлого века, когда был жив владыка Макарий, который являлся автором большинства молитв и под руководством которого появлялись те или иные молитвенные тексты. Конечно, исследователи лучше об этом расскажут. По свидетельству духовной дочери вл. Макария Екатерины Ивановны Пикиной, последней братицы, с которой нам удалось встретиться лично, молитвы, и стихи, и песни собственного сочинения использовались в братстве постоянно в течение всего времени после смерти владыки. У нас, например, есть запись, где Екатерина Ивановна со своей сестрой поют одну из любимых в братстве песен на стихи, сочиненные братским автором. Тексты этих стихов и песен теперь можно будет найти на страницах нового издания. Надеемся, они вдохновят современных читателей так же, как вдохновляли их создателей и первых слушателей.

Вы лично молитесь этими молитвами? И если да, то как часто?

Да, молюсь. Мне дороги из этого молитвослова и утренние, и вечерние молитвы, и молитва перед причащением и многие другие. Также могу сказать, что некоторые молитвы очень быстро вошли и в братский обиход, поскольку акцентируют именно братский аспект жизни христиан, содержат прошения от лица людей, которые хотят собирать церковь и просят об обретении качеств, необходимых для этого служения Богу и Церкви. Нам этот открывшийся опыт братской молитвы очень дорог, мы его пока что не исчерпали и все время находим в нем что-то новое и современное.

Беседовали Александра Колымагина, Анастасия Наконечная

Главный порок — это трусость

50 лет назад впервые (правда, не без цензурных сокращений) вышел из печати роман Михаила Афанасьевича Булгакова «Мастер и Маргарита»

Работа над романом началась в конце 1920-х годов и продолжалась вплоть до смерти писателя в мае 1940 года. Первая версия романа, имевшая названия «Копыто инженера», «Чёрный маг» и другие, была уничтожена Булгаковым в 1930 году. В последующих редакциях среди героев произведения появились автор романа о Понтии Пилате и его возлюбленная. Окончательное название — «Мастер и Маргарита» — оформилось в 1937 году.

За пять месяцев до смерти (то есть в конце 1939 года) Михаил Афанасьевич составил завещание, согласно которому забота о рукописях поручалась наследнице — его жене Елене Сергеевне Булгаковой.

Елена Сергеевна делала несколько попыток напечатать роман. В 1940 году она подготовила сборник избранных произведений, в предисловии к которому литературовед Павел Попов рассказал о «Мастере и Маргарите» как о романе, в котором «реальное и фантастическое переплетаются в самых неожиданных формах». Однотомник так и не вышел в свет; статья Попова впервые была

опубликована в 1991 году в книге «Я хотел служить народу...», изданной к 100-летию со дня рождения Булгакова. Как рассказывал Владимир Лакшин, в 1946 году одно из писем вдовы писателя удалось «через знакомую портниху» вручить сотруднику аппарата Сталина Александру Поскрёбышеву. Ответ из управленческих органов казался обнадеживающим: Булгаковой порекомендовали обратиться к директору Гослитиздата, который «будет в курсе». Однако следом появилось постановление оргбюро ЦК ВКП(б) «О журналах “Звезда” и “Ленинград”», затронувшее судьбы Михаила Зощенко, Анны Ахматовой и других литераторов; это событие заставило издателей быть осторожными и реагировать на вопрос о публикации «Мастера и Маргариты» словами «Не время...»

Ситуация начала меняться в эпоху «оттепели». В 1962 году в издательстве «Молодая гвардия» вышла книга Булгакова «Жизнь господина де Мольера»; в справке, сопровождавшей роман, Вениамин Каверин упомянул о «Мастере и Маргарите» как о произведении, в котором «невероятные события происходят в каждой главе». Впервые роман был напечатан в сокращённом виде в журнале «Москва» (№ 11, 1966 и № 1, 1967). По данным исследователей, из текста было изъято «более 14 000 слов». Цензурные ножицы коснулись рассуждений Воланда о москвичах на сцене театра Варьете; ревнивого восторга служанки Наташи по отношению к своей хозяйке; полёта Наташи на соседе Николае Ивановиче, превращённом с помощью крема Азazelло в боровя; признаний Мастера

и Маргариты в своей неприкаянности. Кроме того, в журнальный вариант не попали детали, рассказывающие об обнажённости героинь на балу у Воланда.

В 1969 году в издательстве «Посев» вышел первый полный книжный вариант «Мастера и Маргариты», текст которого соответствовал машинописной рукописи, а цензурные изъятия, сделанные при подготовке журнальной версии, выделены курсивом. В СССР отдельное книжное издание впервые увидело свет в 1973 году (издательство «Художественная литература», тираж 30 000 экземпляров). Этому событию предшествовал выход Постановления секретариата ЦК КПСС «О переиздании художественных произведений М. Володина, О. Мандельштама, Вяч. Иванова, Н. Клюева, М. Булгакова и других писателей 20-х годов» от 7 июня 1972 года, имевшего гриф «Совершенно секретно». В документе говорилось, что книги указанных писателей и поэтов предполагается выпустить в 1973–1975 годах «ограниченными тиражами», с обязательными «вступительными статьями и комментариями, дающими марксистско-ленинскую оценку творчества автора».

На сегодняшний день роман выдержал множество переизданий, общий тираж которых составляет миллионы экземпляров, переведен на множество языков, неоднократно был экранизирован и инсценирован.

О том, что значило это произведение для молодежи 1980-х годов, мы спросили ученого секретаря Свято-Филаретовского института, доктора филологических наук Юлию Балакишину.

Что значила для Вас и Ваших знакомых книга «Мастер и Маргарита»?

Я принадлежу к поколению, которое читало роман «Мастер и Маргарита» не в подпольных самиздатовских изданиях и даже не в журнальном варианте. Это было в самом начале перестройки, когда книга вышла большим тиражом и ее можно было спокойно купить. Мы с моими друзьями были тогда еще очень молоды, и в общем-то, сформированы советским позитивистским, материалистическим мышлением, которое предполагало, что мир имеет только одно измерение — эмпирическое. Когда мы читали о том, что Татьяна Ларина молится Богу, мы объясняли это особенностями устаревшего исторического менталитета и всерьез к этому не относились. И «Мастер и Маргарита» стал для меня и моих друзей совершенно «переворотным» текстом, который имел очень сильное эстетическое воздействие, но за этим

эстетическим воздействием последовала реакция духовная, которая позволила увидеть мир в сложной метафизической перспективе и понять, что какие-то духовные процессы для этого мира первичны, что они гораздо более важны, чем процессы внешние, материальные, доступные органам чувств. Поэтому можно сказать, что для многих моих друзей с этой книги действительно начался путь к вере, хотя, казалось бы, фигура Воланда в романе оказывается более привлекательной, более интересной, чем фигура Иешуа. Но все же именно этой книге мы, безусловно, обязаны тем, что с нами произошел «ментальный переворот».

Что, на Ваш взгляд, значил прорыв таких книг в открытое пространство в советские годы? Как это влияло на атмосферу в обществе?

Главный порок – это трусость

Это был глоток свободы, понимания, что искусство не исчерпывается рамками соцреализма. Роман воспринимался как фантастически новое эстетическое явление, переворачивающее привычные представления советского человека.

И в данном случае как раз эстетика была путем к вещам экзистенциальным. Видимо, для кого-то «Мастер и Маргарита» стал возможностью обратиться к Библии, текст которой в те годы находился под строгим запретом*: о евангельских сюжетах говорилось в книге не в ироническом ключе, а вполне серьезно и очень глубоко, и с большим уважением и вдохновением.

И еще одно наблюдение: попытка оправдать и объяснить действия тотального зла – не последняя тема в романе. Большинство моих ровесников, вспоминая первые впечатления от книги, будут говорить не о Иешуа, а о Воланде. Книга начинается с эпиграфа «Я – часть той силы, что вечно хочет зла и вечно совершает благо». Собственно, главная задача автора – исследовать природу зла, овладевшего народом, страной, ответить на вопрос, что происходило в советское время с человеком. Одна из самых известных фраз романа: «главный порок – это трусость». Булгаков именно трусости видит источник, через который зло овладевает человеком. Мне кажется, сегодня описанные Булгаковым «механизмы» действия социального зла актуальны не менее, чем в советскую эпоху. Нам важно их увидеть, осмыслить и понять, где мы внутри себя можем поставить преграду их действию. Какие-то ответы и сейчас можно в этой книге услышать.

А можно ли как-то определить или догадаться, по какому принципу в «оттепель» могли печататься такие книги, как можно было понять, что вот эту пробить в печать возможно (и когда возможно), а вот ту – уже нет?

Отчасти, мне кажется, в этом был момент «личной воли

* Вплоть до конца 1980-х годов Библию было практически невозможно купить даже в православных храмах, и о ее тексте возможно было судить только по высмеивающим ее атеистическим брошюркам.

редактора»: если человеку какой-то текст западал в душу, он делал многое для того, чтобы его опубликовать. Роман «Мастер и Маргарита» был опубликован уже на исходе оттепели, в 1966 году, он не был напрямую связан с темой репрессий, как, например, «Один день Ивана Денисовича». Можно было его назвать «фантастическим романом» и на это все списать: «Мало ли что придумает художник». Так что, может быть, это казалось более возможным для прорыва.

Вы перечитываете эту книгу?

Периодически с удовольствием перечитываю или слушаю какие-то определенные места, которые стали уже хрестоматийной классикой. А вот целиком весь текст, от корки до корки, может быть, лет семь не перечитывала.

И какое место – Ваше любимое?

«Никогда и ничего не просите. Никогда и ничего, и в особенности у тех, кто сильнее вас».

Христос пред Пилатом. Михай Мункачи, 1882 год

Святых чудес заветные места

Паломничество в 1848 году Гоголя в Палестину вызвало волну интереса у русских писателей. Но если его близкий друг Жуковский только выспрашивал подробности поездки, надеясь использовать увиденные чужими глазами картины и зарисовки в своих произведениях, то поэт пушкинской плеяды князь Петр Андреевич Вяземский направился по стопам автора «Мертвых душ».

Однако путешествие Вяземского имело немало отличий от странствия Гоголя, несмотря на одинаковость конечной цели – достижения Гроба Господня, и благочестивого настроения.

Гоголь ехал в Святой Град. И только в него. Никакие посторонние предметы его не интересовали. И искал он в нем, прежде всего, душевную пользу, чистую, искреннюю молитву, свободу

от житейских треволнений.

Вяземский на словах вроде бы тоже не был чужд этих устремлений, но культурология – в самом широком ее смысле – захватывала его куда больше, чем прозаика. Он направился не просто в Палестину, а на Восток, легко меняя по ходу дела промежуточные цели.

Гоголь заглядывал в пропасть и о самой Палестине почти ничего не написал. Вяземский предпочитал твердую почву, к краю старался не подходить и оставил этнографические зарисовки, бытовые сценки, смешные эпизоды путешествия, описания храмов и монастырей. Правда, всего этого совсем немного. И еще он оставил стихи, в которых отразились палестинские впечатления: «Иерусалим» (1850), «Палестина» (1853), «Одно сокрови-

или Палестинские впечатления князя П.А. Вяземского

ще» (1853), «Александрю Андреевичу Иванову» (1858).

В них он движется в русле воспоминаний:

*Я видел древний Иордан <...>
Я погружался троекратно,
Молясь, чтоб и душа моя
От язв и пятен бытия
Волной омылась благодатно.
От оных дум, от оных дней <...>
Как мало свежих впечатлений
Осталось на душе моей.*

(«Александрю Андреевичу Иванову»)

«Признаюсь откровенно и каюсь: никакие святые чувства не волновали меня при въезде в Иерусалим. Плоть победила дух», – записал Вяземский в своем дневнике 4 мая 1850 года. Кроме усталости от зноя и долгой езды по горной дороге странник ничего не чув-

ствовал. Шум паломников (а поэт приехал в пасхальные дни, когда в Святой град пришло около 30 тысяч человек в дополнение к тем 30 тысячам, которые там жили) его только раздражал.

И все-таки путешественник нашел в себе силы сразу пойти в храм Воскресения, к Гробу Господню, чтобы потом уже вернуться в свою келью и проспать «часа два или три».

Духовные интересы Вяземского, кажется, этим посещением и ограничились. В его записках мы находим совсем немного упоминаний о молитвенных усилиях. Но они есть. Скажем, поэт добрался до монастыря св. Георгия, где есть чудотворный образ, перед которым молятся за умалишенных. И помолился за Кологривова и Батюшкова, взял по свече¹.

С некоторыми натяжками к духовной истории нашего паломника можно отнести дружбу на пароходе, следовавшем из Константинополя в Бейрут, с юродивым, «чем-то похожим на дервиша». Она оказалась для поэта утешительной, «как доказательство того, что в природе моей сохранилась какая-то первобытная простота»².

О литургии в Русской духовной миссии Вяземский записал совсем скупо: «Четверг, 18 мая. Слушали в 9 часов утра русскую обедню в монастыре св. Екатерины. Все что-то не так молишься, как бы хотелось. В Казанском соборе лучше и теплее молилось. Неужели и на молитву действует привычка? Или мои молитвы слишком маломощны для святости этих мест?»³

Обедню служил либо иеромонах Феофан (Говоров), будущий свт. Феофан Затворник, находившийся тогда в Иерусалиме в качестве помощника начальника Русской духовной миссии, либо сам начальник – архимандрит Порфирий (Успенский). Но ни с тем, ни с другим Вяземский после Божественной литургии не разговаривал. Во всяком случае, свидетельств не оставил.

Духовная жизнь Палестины не привлекает паломника. В его дневнике можно найти записи, вроде: «Здесьняя греческая монашеская жизнь кажется мне несносной и вовсе ничего не говорит душе»⁴.

Душе князя говорят камни и география. Они будят в нем поэзию. И Вяземский поет о том:

*Что с высоты божественной Сиона
Внимал я духом песням горних лир;
Что долго раб житейского обмана,
Послышал раз я неземной призыв,
Когда в водах священных Иордана
Омылся я, молитву сотворив.*

«Одно сокровище»

Стихи могут прийти, а могут и не прийти. Формально же все поездки нашего странника смело можно отнести к религиозному туризму. Конечно, в

Иордан. По преданию, это место Крещения. Фотография конца XIX века

святых местах поэту доводилось пересекаться и даже беседовать с интересными людьми. Но все эти встречи рифмуются скорее с этнографическими наблюдениями, нежели с духовными открытиями жаждущего живой воды человека.

Особых откровений, «одной минуты», которая была у Гоголя, у поэта не было. Но Муза постоянно сопутствовала ему. И превращала совсем непоэтические картины в поэзию. И все это – благодаря Священной истории.

Стихотворение «Иерусалим» как нельзя лучше иллюстрирует эту мысль. Подъезжая к Святому Граду, путник повсюду видит «грустные места»:

*Нагая степь, нагие горы
И диких дебрей пустота.*

И сам «город молчаливый стоит как на кладбище крест».

Но в глубине нерадостного пейзажа живет память о земной жизни Спасителя и Воскресении. И одно напоминание о Гефсиманской долине и Елеонской горе придает картине метафизическое измерение.

Вяземский солидарен с Гоголем в характеристике блеклых, по сравнению с Италией, красок Палестины. Но, как и у великого прозаика, у него встречаются великолепные зарисовки. Особое внимание поэт обращает на сияние иерусалимского неба. «Здесь нельзя сказать "голубой воздух", а золотой; особенно перед заходом солнца воздух озлащается. Солнце не садится как в других местах, в облака: оно на чистом небе потухает... Маслины темнеют в золотом сиянии воздуха, и долина вообще пересекается длинными тенями и золотыми полосами... При возвращении нашем в Иерусалим

стены его чудно озлащались сиянием заходящего солнца. Нигде и никогда не видал я такого золотого освещения»⁵.

Небо вызывает восторг, а вода притягивает. Когда зимой Кедрон наполняется водою, арабы бегут к нему и проводят часы в радостном созерцании, записывает Вяземский чьи-то слова. А вот и его собственные наблюдения: «В городе сохранилось несколько арабских фонтанов, но уже без воды <...> Здесь видно, что нечестя саму воду – этот Божий дар, благодатный особенно в земле, <...> где дожди редки и солнечный зной высушает воду <...> Из Соломоновых прудов проведена вода в Иерусалим <...> Все сокровища Соломона погибли, а с ними и все богатства и почти все памятники древнего <...> Иерусалима; но вода Соломона утоляет еще жажду позднейших потомков его»⁶.

Особую роль в топографии Палестины играют источники. И многие дневниковые записи приводят к ним. Один вызывает в памяти евангельские реминисценции: «У источника Богоматери нашли мы библейскую картину: несколько молодых поселанок в синих своих сарафанах мыли белье свое. Может быть, и Пресвятая Дева тоже мыла тут белье свое и пеленки божественного младенца»⁷.

Другой, помимо новозаветных отсылок, интересен этнографическим поворотом: «Ездил по дороге в Газу на источник святого Филиппа, где Филипп окрестил внука царицы Эфиопской». Близ источника растет прекрасное ореховое дерево, под которым отдыхали бедуины. «...Сигары мои и моя зрительная трубка, которая их очень удивляет, заводят тотчас между нами дружелюбивые отношения... Дам им

сигарку выкурить, дам им посмотреть в трубку, и прикладывая руку к сердцу, изъявляют они мне свое удовольствие и свою благодарность».

Третий напоминает о хозяйственной деятельности арабов, которая не сводится только к выращиванию овощей и фруктов и имеет культовое измерение. Так, по дороге к источнику, где Мария останавливалась с Иосифом по пути в Египет, Вяземский проезжает долину. «В долине арабы сажают розы, которые снабжают розовою водою монастырь Св. Гроба. Если обоняние имеет особенное влияние на память, и запахи возбуждают в ней воспоминания, то розовая вода будет отныне живым источником для нас иерусалимских воспоминаний и поклонений. На Св. Гробе и на Голгофе всегда благоухает розами, и монахи, кроме того, вспрыскивают вас розовою водою».

Надо заметить, что, размышляя о Палестине, поэт нередко транслирует сложившиеся в русском обществе представления. Так, он пишет о необходимости организовать в Иерусалиме русский монастырь «с приличным служебной нашей благолепием, с певчими»⁸. Идея, что называется, витает в воздухе. Ее продвигают в высоких инстанциях начальник Русской духовной миссии о. Порфирий (Успенский). Возможно, наш паломник услышал ее от русского посланника в Константинополе В.П. Титова, в компании которого пытался добраться до Афона.

Вяземский пробыл в Палестине чуть меньше, чем Гоголь – 35 дней. Но если автор «Выбранных мест», во многом благодаря покровительству российского консула Базили, прошел мимо межконфессиональных трений, то поэту они бросились в глаза. Ему было прискорбно видеть, что армяне, католики и православные греки не могут договориться о починке крыши храма Гроба Господня и готовы перегрызть друг другу горло.

«Владычество турок здесь спасительно. Они сохраняют здесь по крайней мере видимый внешний мир церквей», – записывает он.

Вяземский замечает приниженное положение христиан, о чем свидетельствует такая малозаметная деталь, как отсутствие колокольного звона. Даже в храме бьют в доску, чтобы сзывать к службе.

И все-таки, по мнению поэта, преждевременное изгнание турок из Святого Града и из Царьграда было бы событие скорее пагубное, нежели плодотворное.

Он не сомневается в том, что Святой Град будет «избранным местом для проявления воли Его и судьб»⁹. Но призывает спешить медленно.

В решении восточного вопроса

Вяземский поддерживает политику императора Николая I. Он искренне не понимает, почему Запад ополчился на Россию. И в связи с Крымской войной пишет ряд статей в европейские журналы, пытаясь оправдать действия русского правительства. Статьи эти, по вполне понятным причинам, не были напечатаны в западной периодике, но позже Вяземский собрал их в отдельную книгу «Письма русского ветерана». Автор считал, что православная держава вправе покровительствовать православным подданным Османской империи. Что историческое движение на Восток оправданно не только геополитически, но и теологически. И что политика России по отношению к своему мусульманскому соседу основана на принципах правды и справедливости. О том, что это все-таки колониальная политика, Вяземский не очень задумывался.

Крымскую войну автор напрямую связывал с Палестиной, с важностью для России мест поклонений в структуре ее религиозной жизни.

Но что значили для самого Вяземского святые места? Считал ли он их подлинными?

Поэт прекрасно понимал, что «от древнего города осталось разве несколько камней, и те, может быть, с прежнего места перенесены на другое». К тому же в Евангелии «глухо и неопределенно означаются местности, а в подробности и с точностью исчисляются события, деяния и слова». Поэтому ему было вполне довольно, что «главные окрестности его, упоминаемые в Евангелии, те же».

Ко всем артефактам, связанным с местными традициями, поэт относится подозрительно. Также как и к сопутствующим им легендам: «Я готов верить всем преданиям и охотно принимаю их, когда они не сливаются с чудесами. Чудесам верю, но только тем, которые прописаны в Евангелии; а приписным чудесам не чувствую в себе ни желания, ни способности верить. <...> Сам Христос не был расточителен на чудеса», – объясняет он свой скептицизм.

Вяземский облазил все окрестности Иерусалима. Был на месте будущего русского Горнего монастыря, посетил Вифлеем. Поднялся на Елеонскую гору и «обошел ее кругом по вершине, карабкаясь по камням».

Побывал он и на Иордане. «Говорят, что в кустах, осеняющих Иордан, водятся соловьи, – пишет он в своем дневнике, – но меня, по крайней мере, пением своим они не приветствовали. Зато наслушался я ослов и верблюдов и необычайно громкого кваканья лягушек».

Стиль Вяземского, по виду спокойный и строгий, дышит лукавинкой и

Портрет князя П.А. Вяземского. П.О. Соколов, 1824 г.

беззаботностью. Риторические фигуры сводят и разводят понятия, одна словесная картина сменяет другую, и мы с улыбкой и радостным сердцем скользим все дальше и дальше во времени и пространстве.

И вот приходит час прощания с Иерусалимом. «Здесь нужно было бы непременно прожить год, чтобы ознакомиться с святыми местами. И почему бы не прожить?», – спрашивает сам себя Вяземский.

Поэт не сомневается, что поездка в Святой Град принесла ему пользу: «Всякое путешествие, если предпринимаешь его не с какою специальною целью в пользу науки, есть удовлетворение суетной прихоти, бесплодного любопытства. Одно только путешествие в святые места может служить исключением из этого правила. Иерусалим как бы станция на пути к великому ночлегу». Тут укрепляешь душу «напутственными впечатлениями и чувствами»¹⁰.

«Можно без умиления и особенно волнения въехать в Иерусалим, но нельзя без тоски и глубокой скорби проститься с ним, вероятно, навсегда», – записывает он 23 мая 1850 года.

На следующий день поэт отправляется в дорогу. Путь его лежит в Бейрут, в гостеприимный дом Базили.

Борис Колымагин

¹ Святые места вблизи и издали: Путевые заметки русских писателей I пол. XIX в. / Сост. К. Урзузова. – М.: «Восточная литература» РАН; Школа-Пресс, 1995. С. 275. Петр Александрович Кологривов – отчим В.Ф. Вяземской, жены поэта, отставной полковник. Константин Николаевич Батюшков – поэт, много лет страдал душевным заболеванием.

² Там же. С. 269, 270.

³ Там же. С. 272.

⁴ Там же. С. 270.

⁵ Там же. С. 271.

⁶ Там же. С. 274.

⁷ Там же. С. 270.

⁸ Там же. С. 265.

⁹ Там же. С. 264.

¹⁰ Там же. С. 272.